

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ТРЕТЬЯ
КНИГА
НОВОЙ
ТРИЛОГИИ

ОСТРОВ КОШМАРОВ

КОРОНА И ПЛАХА

Как Англия стала крупнейшим в мире
хищником и колонизатором

Александр Александрович Бушков
Остров кошмаров.
Корона и плаха
Серия «Бушков. Непознанное»
Серия «Остров кошмаров», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49928958
Корона и плаха: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-108695-4

Аннотация

Современные англичане забыли о многих своих гнусных «изобретениях», например об институте «сервентов» XVII века.

За сто с лишним лет Британия насильно отправила в Америку в общей сложности 50 000 белых рабов – своих граждан! Их перевозили в битком набитых трюмах, в которых оголодавшие люди охотились за корабельными крысами, а иногда доведенные голодом до безумия пассажиры поедали трупы умерших спутников.

Число белых рабов превышало число черных. Данные по Вирджинии за 1683 год гласят о трех тысячах черных рабов и двенадцати тысячах белых.

И наконец самая неприглядная страница в истории сервентов:
в колонии из Англии насильно отправляли детей...

Содержание

«Наш шотландский племянник»	6
Зловещий шепот по углам	46
Кровавые паруса	52
Завтра будут праздники, а пока – пляшет сердце по-за ребрами гопака...	58
...За море синее	66
Нах Москау, милорды!	77
Плаха и корона	87
«Кавалеры» и «круглоголовые»	93
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Александр Бушков

Корона и плаха

© Бушков А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*При беге в мешках побеждает не тот, кто лучше бежит, а тот, кто лучше бежит в мешке.
Х/ф «Круг».*

«Наш шотландский племянник»

Смерть Елизаветы Тюдор была и смертью целой эпохи. Времени яркого, неоднозначного, бурного и буйного – не только для Англии, но и для всей Европы. Гораздо позже Денис Давыдов, блестящий гусар, гуляка, поэт и отважный партизан Отечественной войны 1812 года, напишет о новых временах:

Век был бурный, буйный век.
Но смешались шашки,
и полезли из щелей
мошки да букашки...

Именно так и обстояло в XVII в. по всей Европе. Понемногу уходили в прошлое пресловутые «шляхетские вольности». Какое-то время продолжался, по выражению Дюма, «разгул буйного дворянства». Однако эскапада д'Артаньяна с подвесками королевы, пусть и вымышленная, но крайне похожая на иные реальные выходки благородных донов, была бледным отголоском, агонией бывшего дворянского разгула. Понемногу на первый план выдвигались «денежные мешки», часто самого неблагородного происхождения, власть потихонечку переходила к ним. Знатные люди, жившие по прежним законам, частенько лишались головы на плахе – до-

статочно вспомнить времена кардинала Ришелье. Войны все чаще велись не из «рыцарства» (самый яркий пример – Столетняя), а уже по чисто экономическим поводам.

Знаменитости елизаветинских времен порой были отпетыми негодяями и законченными мерзавцами, но все поголовно были Личностями. Яркими, неоднозначными, ни в чем не признававшими середины. Убивали королей прямо-таки непринужденно, если грабили на морях, то серебро собирали тоннами, золото – бочонками, а самоцветы – сундуками. Пираты писали неплохие стихи, философские трактаты и исторические труды. Ученые книжники пускались с размахом во всевозможные авантюры, морочили головы королям и выманивали огромные деньги, обещая сделать золото из битых черепков...

Семнадцатый век стал в чем-то спокойнее, а в чем-то – гораздо скучнее...

Король Иаков Первый массовому читателю известен мало и, в общем, практически забыт. Его заслонили правления Елизаветы и Карла Первого (последний знаменит в первую очередь благодаря роману Дюма «Двадцать лет спустя»). Между тем Иаков – фигура примечательная, достойная отдельного рассказа.

Иные историки откровенно старались его унижить и принизить. Самый яркий пример – Чарлз Диккенс, прямо-таки безжалостный к королю. «„Наш племянник из Шотландии“ был уродлив, нескладен и дурковат, словом, не пригож

и не умен. Язык у него едва умещался во рту, слабые ноги с трудом удерживали туловище, а глаза вращались в орбитах, будто у идиота. Был он коварный, завистливый, расточительный, ленивый, пьющий, сластолюбивый, нечистоплотный, трусливый, бранчливый и самый чванливый человек на свете».

Одним словом, тупой монстр. Полное впечатление, что Иаков и Диккенс были современниками и Иаков чем-то крепенько Диккенсу насолил – скажем, шулерски обыграл в карты на приличную сумму или злодейски совратил любимую племянницу. При всей моей любви к Диккенсу, коего читаю и перечитываю почти полсотни лет, должен сказать: на сей раз великий писатель оказался крайне несправедлив и страстен к своему герою. Крайне. Некоторые из приведенных им эпитетов к Иакову вполне приложимы, но некоторые истине не соответствуют.

Гораздо более объективен Дж. Р. Грин. «Под этой смешной внешностью скрывался человек с большими природными способностями, отличный ученый, с большим запасом остроумия, проницательности и находчивости. Его меткий юмор характеризует политические и богословские споры эпохи ловкими оборотами, каламбурами, эпиграммами, ироническими замечаниями, все еще сохраняющими свой вкус. (Грин писал свой труд в XIX в. – А.Б.) Он был очень начитан, особенно в богословских вопросах, и мило писал о самых различных предметах, начиная с предопределения и

кончая табаком».

Правда, и Грин не удержался, подпустил шпильку: «Но вся его пронизательность и ученость только делали его, по выражению Генриха Четвертого, „ученейшим дураком в христианстве“». Тоже довольно несправедливое замечание...

Хорошо написал об Иакове современный отечественный исследователь, автор многих интереснейших исторических книг В. Шамбаров: «Его твердая линия, взвешенная внешняя политика и жесткое управление не позволили стране откатиться в революционные и религиозные распри, обеспечили ей четверть века процветания, великолепный расцвет культуры». Вот это гораздо более объективно. Ну а безусловно положительный отзыв об Иакове сэра Уинстона Черчилля я приведу позже, когда для этого настанет время.

Безусловно, Иаков был не лишен откровенных чудачеств. Впрочем, в Англии о таком говорят гораздо более дипломатично: «Очень эксцентричный джентльмен, знаете ли...» Иаков, например, постоянно носил весьма своеобразный наряд – этакую мантию от шеи и до пяток, сделанную из нескольких слоев толстого сукна. Он всю жизнь опасался покушений на свою жизнь (каковых так и не последовало), а такая одежда могла с успехом задержать лезвие кинжала. Во многом походила на русский тегилай, воинский доспех, употреблявшийся еще в XVII в., – длинный кафтан из такой же толстой ткани, простеганный, с ватной подкладкой. От пули

он не защищал, но удерживал стрелы – луки тогда широко использовали крымцы, ногайцы и прочие воевавшие с русскими «басурманские» народы, да и сами русские. Эта боязнь покушений все же, мне думается, не имеет ничего общего с классической манией преследования, которую приписывают Иакову иные авторы. Кое-какие основания для таких мер предосторожности, безусловно, были: два предка короля, тоже шотландские короли и тоже Иаковы, были как раз зарезаны заговорщиками. Да и мать Иакова была казнена в Англии – что, безусловно, не прибавляло королю жизненного оптимизма...

Эксцентричность Иакова ярко проявилась в самом начале, во время его путешествия из Эдинбурга в Лондон, чтобы короноваться там английской короной. Между Эдинбургом и Лондоном – пятьсот с лишним километров, но это если считать по прямой, «полетом ворона». А тогдашние дороги по идеальной прямой не шли, так что, я прикидываю, стоит увеличить это расстояние километров до шестисот. В те времена, даже если не гнать лошадей, этот путь можно проделать за какие-то две недели.

Иаков ехал месяц, делая в день не более двадцати километров. Примерно так из одной столицы в другую добрался бы пешеход – будь он здоров и располагай достаточными деньгами, чтобы ночевать в уюте и хорошо питаться. Такое впечатление, что Иаков не любил спешки в подобных делах. По пути он приказал повесить воришку, пойманного мест-

ными жителями на месте преступления (иронический комментарий Диккенса: «Для пробы сил»). На пути произвел в рыцарское достоинство двести человек, а по другим источникам – целых триста (иронический комментарий Диккенса: «Всех, кто подвернулся ему под руку»). Добравшись до Лондона, он за три месяца возвел в рыцари еще семьсот человек, а в Палату лордов добавил 62 новых пэра, в большинстве шотландцев. Пожалуй, это была никакая не эксцентричность, а точный расчет: чужой в Англии, Иаков одним махом обзавелся немалым числом приверженцев, обязанных дворянством лично ему.

На престол Иаков взошел без малейших затруднений, что не всякому английскому королю (или королеве) удавалось. Его публично провозгласили королем уже через несколько часов после смерти Елизаветы. И знать, и простой народ, да абсолютно все отнеслись к этому совершенно спокойно. Вполне возможно, всем попросту осточертели прежние свары претендентов на трон, частенько выливавшиеся в гражданские войны, и захотелось стабильности.

Забегая вперед, скажу, что эта стабильность сохранялась во все время правления Иакова. Не случилось крупных смут, какие в прежние времена устраивали либо знатные особы, либо крестьяне, либо все вместе. В разных графствах произошло примерно семь крестьянских бунтов, но весьма локальных, подавленных быстро и без большой крови. Да еще в Лондоне в 1617 г. была шумная и принявшая широкий

размах забастовка ремесленников, подмастерьев и учеников. Вызванная довольно-таки вескими причинами: рабочий день составлял 16 часов, а платили сущие гроши. Забастовку подавили жестко, зачинщиков, как водилось в те времена, повесили тут же – тогда еще не существовало ни профсоюзов, ни горластых племен правозащитников (вся эта роскошь появится гораздо позже). И это – всё. За двадцать два года правления Иакова Первого почти не было ни заговоров против него знати, ни попыток покушения – кроме одной-единственной истории, широко известной, но очень уж мутной (к ней мы вернемся позже).

Очень быстро после коронации Иаков подписал «договор о дружбе и сотрудничестве» с Испанией. Чем завершил тянувшуюся чуть ли не двадцать лет англо-испанскую войну, сводившуюся в основном к морским сражениям (но имели место и битвы на суше, в Нидерландах). По большому счету, Англии эта война была совершенно не нужна. У Испании были для войны достаточно веские причины: во-первых, претензии испанского короля на английский трон были признаны и поддержаны всем католическим миром с папой римским по главе. Во-вторых, завоевание Англии для Испании означало ликвидацию крупнейшего в Европе пиратского гнезда – крышуемые Елизаветой «морские собаки» причиняли Испании огромный ущерб.

И наоборот – у Англии не было мало-мальски серьезных причин для войны. Разве что ослабить, а то и вовсе, если

удастся, полностью покончить с испанским владычеством в Нидерландах. Что ж, задача была частично выполнена: получая поддержку из Англии оружием и деньгами (а однажды и воинским контингентом), голландские повстанцы-гёзы в конце концов освободили от испанской власти десять из семнадцати нидерландских провинций, которые и объединились в Голландскую республику. Для Англии это был мимо-летный тактический успех, но крупный стратегический про-игрыш. Дело даже не в том, что семь провинций (нынешняя Бельгия) остались в составе испанской империи. В середине века Голландия стала главным соперником Англии в борьбе за морское могущество и крупнейшим конкурентом в тор-говле и захвате колоний. Англо-голландские войны (сводив-шиеся в основном к крупным морским битвам, хотя случа-лись сражения и на суше) тянулись почти полвека и отняли у Англии немало жизней, сил и денег. Что называется, выра-стили себе на голову...

Так что заключение мира с Испанией было нешуточной заслугой Иакова, обеспечившего этим стране мир на два-дцать с лишним лет. За все время правления Иакова Англия вообще ни с кем не воевала, что делает Иакова едва ли не белой вороной в сравнении со многими его предшественни-ками и преемниками.

Единственное исключение – события 1619 г. в герман-ском княжестве Пфальц. Тогда в который раз схватились меж собой лютеранские и католические князья. Зажгли че-

хи. Чехия тогда доживала последние годы в качестве независимого королевства (впрочем, чисто номинально – чешский королевский престол сохранился, но его обычно занимали императоры Священной Римской империи). Когда умер император Матиас и его преемником (а по совместительству и чешским королем) стал его двоюродный брат Фердинанд, чешские вельможи-протестанты заявили, что этого не признают, и избрали своим королем молодого курфюрста Пфальцского Фридриха (тоже протестанта, в отличие от католика Фердинанда). Началась долгая и кровавая заварушка – на помощь Фридриху пришли лютеранские германские князья, на помощь Фердинанду – закаленная в боях испанская армия. Военное счастье оказалось на стороне Католической лиги: Фридриха, не блиставшего талантами полководца, вдребезги разбили в знаменитой битве у Белой горы под Прагой (1620 г.), после чего Чехия окончательно потеряла статус королевства и без малого триста лет оставалась не более чем провинцией сначала Священной Римской империи, потом Австрийской (ставшей позже Австро-Венгерской). Фридрих бежал к единоверцам в Северную Германию, а Пфальц заняли испанцы.

Иаков принимал в событиях активное участие – чисто политическое. Причины вмешаться у него были по тем временам довольно веские – женой Фридриха была дочь Иакова Елизавета. Сначала Иаков долго и безуспешно уговаривал зятя оставить Чехию и вернуться в Пфальц. Фридрих наот-

рез отказался – гораздо престижнее быть чешским королем, чем курфюрстом маленького Пфальца. Ну и доигрался.

Однако и тогда на континент не отправился ни один солдат регулярной английской армии, и никакой материальной помощи из Англии не поступило. Иаков всего-навсего разрешил отправиться на войну сэру де Веру во главе небольшого отряда добровольцев-протестантов (иногда таких можно назвать «добровольцами» исключительно в кавычках, но на сей раз это были добровольцы без кавычек, идейные – отправились помочь единоверцам). Это единственный случай вооруженного вмешательства англичан в европейские дела – причем государство к этому не имело ни малейшего отношения. Кстати, английский отряд никакой роли в событиях не сыграл, вообще не принял участия в войне – он добрался в Чехию, когда военные действия уже закончились. Сэр де Вер, смущенно потоптавшись на месте, плюнул и велел отряду возвращаться домой: безнадежное дело – защищать того, кто оказался не способен сам себя защитить...

Иаков проявил себя неплохим государственнымником и в истории с монополиями, доставшимися ему в наследство от Елизаветы. Систему эту Иаков сохранил – с весьма существенными различиями. Елизавета раздавала монополии бесплатно, только, назовем вещи своими именами, любимчикам. Отчего не было ни малейшей выгоды ни ей, ни казне. Иаков же себя показал, употребляя современные термины, крепким хозяйственнымником. Монополии он продавал за день-

ги – и, кроме того, обставил все так, чтобы новоявленные монополисты приносили пользу государству. Монополии на изготовление стекла получали только те, кто при его производстве пользовался не дровами, а углем – дерево было гораздо более необходимо для строительства кораблей. Монополистами в производстве канители (золотой и серебряной нити, расшивать которой мужскую и женскую одежду было в большой моде у людей с достатком) становились исключительно те, кто использовал импортное «сырье» – английские запасы золота и серебра оставались целехонькими, что укрепляло экономику.

Особо следует отметить, что в правление Иакова практически не было чего-то хотя бы отдаленно похожего на массовые репрессии, которыми печально прославились Генрих Восьмой и Елизавета. Мятежников, правда, вешали, но их было не так уж много по сравнению с прошлыми временами, да и по всей Европе всевозможных бунтовщиков без церемоний тащили либо к виселице, либо на плаху. Если только не придумывали более мучительной казни. Во Франции в большой моде было разрывание человека четверкой лошадей – весьма популярное развлечение для широкой публики всех сословий. Когда Дюма описывает, как за хорошие деньги брали в аренду на время казни комнаты близлежащих домов, где окна выходили на лобное место, он пишет в точном соответствии с исторической правдой. В 1514 г. предводителя крупнейшего в истории Венгрии крестьянского восста-

ния Дьёрдя Дожу сожгли заживо на железном, раскаленном докрасна троне...

Ни один из авторов, пишущих об Иакове, в том числе и те, кто к нему относится крайне неприязненно и старательно перечисляет все его реальные и вымышленные преступления, ни словечком не упомянет о каких бы то ни было репрессиях против «здоровых попрошайек». Они по-прежнему скитались по Англии в немалом количестве, но нет упоминаний ни об их казнях, ни о клеймении или членовредительстве. А это дает все основания думать, что репрессий не было вовсе.

Религиозную политику Иаков вел очень взвешенную. С малолетства его старательно воспитывали шотландские пуритане-кальвинисты, но, как мы увидим вскоре, Иаков их идеями нисколько не проникся, совсем наоборот. Он старался поддерживать некий «баланс» сил, предоставляя льготы и англиканцам, и католикам (все еще составлявшим немаленький процент населения). А вот его отношение к пуританам... О нем подробнее позже.

Именно благодаря усилиям Иакова произошло одно из самых значительных культурных достижений в истории его правления (культура тогда была тесным образом переплетена с религией). Речь пойдет о новом переводе Библии, которую английские историки называют «замечательным памятником английской прозы».

И священники, и миряне тогда пользовались четырьмя переводами Библии: авторства Тиндаля и Ковердаля, «Же-

невской Библией», созданной при Елизавете «Епископской Библией». Царил суший разнобой. Все эти переводы в некоторых местах имели значительные расхождения, а иные содержали отсебятину переводчиков, по-своему толковавших и Священное Писание, и церковное устройство. Разные церкви пользовались разными переводами, выбирая тот, который им больше нравился. Автором идеи создать новый, наиболее точный перевод Библии, которым могли бы пользоваться все церкви, был не Иаков, а ученый богослов доктор Джон Рейнольдс из оксфордского колледжа Тела Христова (пуританин, кстати. Иногда, пусть и редко, от пуритан случалась и польза). Однако он лишь подал идею, а претворил ее в жизнь Иаков со всей энергией. Уже через два месяца после предложения Рейнольдса были созданы шесть комитетов, по два в Оксфорде, Кембридже и Вестминстере, куда вошло около пятидесяти видных ученых и богословов, принадлежавших, уточню, к разным церквям. Канонический текст Библии (вероятнее всего, на древнегреческом, я не стал выяснять точно) разделили по числу комитетов на двенадцать частей. Причем перевод каждого комитета тщательно проверяли все остальные, а потом его утверждал «комитет двенадцати». Всякая отсебятина и собственные трактовки были категорически запрещены, разрешалось лишь давать примечания к непонятным «массовому читателю» древнееврейским и древнегреческим словам. По меркам того времени работа была завершена в рекордные сроки (и качественно) —

три года на тщательное изучение канонических текстов, два года на перевод, еще девять месяцев изучавшийся в опять-таки специально для этого созданном Надзорном комитете. В 1611 г. королевская типография выпустила первый массовый тираж.

О дальнейшем лучше меня расскажет сэр Уинстон Черчилль. Ему и слово, не в первый раз и, думается, не в последний.

«Успех «Библии короля Якова» был триумфальным. Книги продавались дешево, всего за 5 шиллингов. «Авторизованная версия» превзошла все другие, созданные ранее, как в отношении красоты языка, так и точности перевода, настолько, что почти триста лет никто не поднимал вопроса о ее пересмотре. (Некоторые изменения были внесены только в 1870-х годах. – А.Б.) На переполненных кораблях, увозивших эмигрантов в Америку, не хватало места для багажа. Если искатели приключений и брали с собой книги, то это были пьесы Шекспира, «Путешествие пилигрима» Джона Буньяна¹ и, конечно, Библия, причем большинство отдавали предпочтение «Авторизованной версии» короля Якова Первого. Предполагается, что только на английском языке было издано около 90 миллионов экземпляров. Ее перевели более чем на семьсот шестьдесят языков (при всем моем

¹ Буньян (Баньян, Беньян) – английский проповедник и религиозный писатель. Огромную популярность получил его роман «Путешествие пилигрима» (в других переводах – «Путь паломника»), рисовавший идеалы христианской жизни.

уважении к сэру Уинстону как историку, лично мне кажется, что эта цифра изрядно преувеличена. — А.Б.). До сих пор «Авторизованная версия» остается самой популярной в Англии и Соединенных Штатах. Создание этого перевода можно считать величайшим достижением правления Якова, потому что именно он был его инициатором и покровителем. Ученые и богословы, непосредственно работавшие над этим шедевром, по большей части неизвестны. «Библия короля Якова» стала тем звеном, которое прочно связало между собой англоязычные народы».

Добавлю от себя: популярность Библии короля Иакова была такова, что иные авторы, поверхностно знающие историю, называют автором перевода как раз Иакова, хотя он был лишь «научным руководителем» проекта.

И еще о литературе. В очередной раз вынужден каяться в грубой исторической ошибке. Хотя меня извиняет то, что правление Иакова у нас практически забыто и до недавних пор описывалось крайне скупо. В предыдущей книге я написал, что Генрих Восьмой был единственным английским королем, написавшим книгу. И крупно ошибся. Королей таких было два. Второй — как раз Иаков. В отличие от Генриха, написавший не одну книгу, а довольно много — опять-таки в отличие от Генриха, без всякой посторонней помощи. Изрядная часть из них, как признают историки, — не более чем сиятельное графоманство, но есть и толковые.

Еще в молодости, будучи шотландским королем, Иаков

написал книгу «Истинный закон свободной монархии», где теоретически обосновал то, что впоследствии получило название абсолютизма – полновластие монарха, не стесненного никакими законами и парламентами. «Хотя добрый король будет согласовывать свои действия с законом, но делает он это не по обязанности, а по своей воле и чтобы подавать пример подданным». По мнению Иакова, он мог быть полновластным монархом не просто по праву наследования, а по божественному праву. За несколько десятилетий до него те же взгляды на монарха, по божественному праву способного распоряжаться своими подданными как ему угодно, письменно сформулировал Иван Грозный (о чем Иаков наверняка не знал при всей своей учености). Как бы к этой теории ни относиться, она сыграла большую роль в жизни не только Англии, но и других европейских стран, включая Россию. В Англии же, после того как Иаков стал ее королем, теорию подхватили, углубили и развили другие книжники – полное впечатление, не из подхалимажа, а по убеждению. Дальше всех пошел юрист Кауэль: «Неограниченная власть ставит короля выше закона. Несмотря на присягу, он может изменять или отменять любой частный закон, кажущийся ему вредным для общего блага». Любопытно, что по особому решению Палаты лордов книга Кауэля была изъята и сожжена – и лордам ничего за это не было. Однако теория «божественного права королей» осталась влиятельным направлением общественной мысли. За несколько лет до смерти Иа-

кова Оксфордский университет торжественно провозгласил: «Ни в каком случае подданные не имеют права пользоваться силой против своих государей или вести против них наступательную или оборонительную войну». Чуть-чуть забегаю вперед, скажу, что именно упрямое следование «теории божественного права» стоило головы сыну и преемнику Иакова Карлу Первому...

Иаков, ярый ненавистник курения, написал трактат «О вреде табака». Лично я, курильщик чуть ли не с полувековым стажем, с Иаковом категорически не соглашусь, но вынужден признать: трактат был книгой толковой. Другие были посвящены самым разным вопросам – например, Иаков исследовал проблему предопределенности человеческой судьбы. Несколько направлены против ведьм и вообще колдовства – что лежало в русле тогдашней общественной мысли.

Как я уже мимоходом упоминал, все это время Иаков оставался и королем Шотландии, что полностью устранило для Англии нависавшую над страной не одно столетие угрозу с Севера. Дело не ограничивалось тем, что прекратились войны между двумя странами, – Шотландия перестала служить базой для французов и отчасти испанцев, одно время там чувствовавших себя вольготно (опирались на буйных шотландских лордов, как католиков, так и тех, что предпочитали иностранное золото дракам за веру).

Все это время Шотландия оставалась суверенной и независимой, связанной с Англией лишь личной унией – сою-

зом, опиравшимся исключительно на личность английского монарха. Иаков предлагал парламенту созыва 1604 г. проект объединения Шотландии и Англии в единое государство под названием... Великая Британия. Парламент весьма недальновидно этот проект отклонил, что при Карле Первом привело к серьезным политическим конфликтам между обеими странами и даже к войне. Единым государством обе державы станут лишь сто три года спустя...

Что еще? По приказу Иакова английский военный флот в короткие сроки полностью очистил Ла-Манш и Ирландское море от английских пиратов, до того вольготно там промышлявших, а заодно и от пиратов других европейских наций. Именно при нем началась колонизация англичанами Северной Америки, в отличие от любительских опытов Рэли, процесс очень серьезный. Началась она не по инициативе Иакова, но стала следствием некоторых его действий. Об этом будет отдельная глава.

Как писал Роберт Рождественский в одной из своих самых известных поэм: «Посмеялись? А теперь давай похмурился».

Никак нельзя обойти вниманием тот печальный факт, что практически все свершения Иакова – масштабные, серьезные, принесшие немало пользы Англии – имели и свою неприглядную оборотную сторону. Одно счастливое исключение – Библия короля Иакова. Но вот все остальное... Все остальное сопровождалось довольно-таки грязными послед-

ствиями, которых Иаков – впрочем, как и, наверное, любой другой на его месте – просто-напросто не мог предвидеть.

Установленная Иаковом система монополий принесла немало пользы английской экономике. Вот только сама эта система... Елизавета монополии раздавала лично, исключительно по собственному хотению, ни с кем не советуясь и ни с кем не считаясь. При Иакове патенты на ту или иную монополию приносили на подпись королю высокие государственные чиновники. Вам нет нужды объяснять, как себя ведут иные высокие чины, от которых зависит распределение крайне хлебных госзаказов?

Ага, вот именно. Сам Иаков, как и Елизавета, никакой выгоды от раздачи монополий не имел, а вот занимавшие высокие посты лорды получали немалые взятки и откаты. Смело можно утверждать: по разгулу коррупции правление Иакова в английской истории держит печальный рекорд...

И если бы речь шла только о примитивных хапугах, если и оставивших след в истории, то исключительно по причине запредельного взяточничества...

Жил-поживал в Англии сэр Френсис Бэкон, ученый книжник, которого по заслугам считают одним из величайших ученых и мыслителей XVII в. Выдающийся философ, естествоиспытатель и писатель. Как философ выступал против схоластики и догматизма в науке. Свои взгляды на этот счет он подробно изложил в книге «Новый Органон», а философские – в трактатах «Опыты и наставления нравствен-

ные и политические» и «О достоинстве и приумножении наук». Как естествоиспытатель много занимался и физическими, и другими научными опытами как практик. Как писатель стал одним из первых футурологов и отцов-основателей научной фантастики. В незаконченном по причине смерти романе «Новая Атлантида» Бэкон описал вымышленный остров Бенсалем. Его жители летают по воздуху и плавают под водой с помощью неких аппаратов, умеют передавать звук и свет на любые расстояния (телевидение!), создают новые, крайне эффективные лекарства от многих болезней (при жизни Бэкона фармацевтика пребывала прямо-таки в первобытном состоянии), занимаются селекцией растений (тогдашняя наука к этому и близко не подошла) и даже стоят на пороге управления погодой (чему посвящен не один фантастический роман века двадцатого, в том числе и один, принадлежащий перу автора этих строк). Сама смерть Бэкона позволяет назвать его жертвой науки – без малейших натяжек или иронии. Помимо прочего, сэр Френсис изучал вопрос, имевший большое практическое значение – влияние холода на сохранность продуктов. Все опыты проводил самостоятельно, без всяких помощников и лаборантов. Однажды набивал снегом свежеспотрошенную птицу. Зима стояла морозная, одет Бэкон был легко, не по погоде, долго провозившись по колено в снегу, простудился, слег и уже не встал...

Однако у этой ярчайшей личности была и другая сторона, крайне неприглядная...

Бэкон был не только ученым и писателем, но и общественным деятелем, а потом – высоким государственным чиновником. Эту карьеру, как и научные занятия, он начал еще при Елизавете. Закончив Кембридж, несколько лет был юристом, затем стал членом Палаты общин. В парламенте энергично выступал в защиту как монополий, так и «божественного королевского права». При Иакове стал пэром Англии, лордом-канцлером королевства – и в качестве такового тоже имел прямое отношение к выдаче патентов на монополии. И, как все остальные, взятки брал немаленькие. За что в конце концов и угодил под суд Палаты лордов. Детали толком неизвестны, но одно не вызывает сомнений: процесс над Бэконом не имеет никакого отношения к борьбе с коррупцией, за чистоту рук. Просто-напросто случилась история, прекрасно нам знакомая: в борьбе за хлебные места грызлись властные группировки – и, накопив на соперников реальный компромат, пускали его в ход.

Улики были не вымышленными, а реальными, вполне серьезными. Сам Бэкон вину свою признал (без всяких пыток, разумеется). Его слова остались в протоколах суда:

– Я признаю прямо и откровенно, что я виновен в подкупе, и отказываюсь от всякой защиты. Я прошу ваши лордства быть сострадательными к сломанному тростнику...

«Их лордства» приговорили Бэкона к заключению в Тауэр и к огромному денежному штрафу. Из Тауэра его вскоре выпустил Иаков, высоко ценивший Бэкона за его ученые за-

нятия и парламентскую деятельность, а штраф отменил вообще. Правда, Бэкона до конца жизни больше не допускали на госслужбу.

Что тут скажешь? Великие люди сплошь и рядом не лишены простых человеческих слабостей, увь. И выливается это в самые разные формы.

Великий немецкий философ Иммануил Кант в частной жизни был человеком чертовски неприятным, склочником и скандалистом. Однажды он после ссоры со своей служанкой толкнул ее с высокой лестницы. Бедная женщина поломалась так, что остаток жизни провела прикованной к постели. Суд обязал Канта выплачивать ей немаленькое ежегодное содержание. Сохранилось немало писем Канта друзьям, в которых он открытым текстом вопрошает: когда же наконец умрет эта старая стерва, из-за которой он вынужден нести немаленькие расходы?

Великий химик Лавуазье, кроме занятий чистой наукой, навсегда впечатавших его имя в историю химии, был еще и работавшим с большим размахом откупщиком. Откупщики, если кто-то не помнит, вносили в королевскую казну суммы, равные налогам с какой-нибудь области за год или два-три, а потом с помощью королевских солдат выколачивали эти денежки из простого народа, как легко догадаться, гораздо больше, чем заплатили королю, – иначе какой смысл огород городить? В народе их ненавидели, как мало кого другого. Именно за усердные труды на гнусно прославленной ниве от-

купа Лавуазье и угодил на гильотину во время революционного террора.

Ну а что касается отечественной истории, можно вспомнить светлейшего князя Григория Ляксандрыча Потемкина. Казнокрад был фантастический, казенные денежки смахивал в карман так, что вельможи Иакова, узнай они о том, были бы от черной зависти. Однако Потемкин приложил огромные усилия для освоения и развития Новороссии и Крыма, за что в конце концов получил титул князя Таврического, а еще показал себя неплохим полководцем.

В общем, не будем к Бэкону слишком строги. Как гласит известное присловье, «любим мы его не за это»...

Религиозная политика Иакова, в самом деле взвешенная и гуманная, по большому счету привела лишь к очередным религиозным конфликтам и росту напряженности в стране. Сам Иаков этого, безусловно, не хотел, но, как говорил наш незабвенный бровастый премьер, хотели как лучше, а получилось как всегда...

Иаков сделал послабления католикам, до того форменным образом пребывавшим в подполье. Разрешил им служить мессы, в том числе и в Лондоне, при одном-единственном условии: чтобы мессы проходили не публично, а где-нибудь на окраине, с глаз подальше. Число обращавшихся в католичество несколько увеличилось.

Для англиканцев Иаков отменил введенные Елизаветой небольшие штрафы за непосещение церкви. Последствия

были примерно такими же, как в России в 1917 г., когда Временное правительство освободило военных действующей армии от обязательного хождения на молебны. Едва ли не моментально число посещавших церковные службы упало до десяти процентов...

В Англии процент «отказников» был гораздо меньше, но очень и очень многие, узнав об отмене штрафа, перестали ходить в церковь вообще. По королевству трудами в первую очередь пуритан поползли зловещие слухи: «клятые паписты», расплодившись, вот-вот с потрохами предадут отчизну испанскому королю, французским католикам, папе римскому, а то и всем вместе. Болтали даже, что сам король тайно принял католичество и вот-вот возглавит труды по продаже родины папистам.

Англиканские епископы, раздраженные и льготами католикам, и резким оттоком своих прихожан, насели на короля, как лайки на медведя, требуя оставить игры в веротерпимость и толерантность (таких словечек они не знали, но смысл был именно тот). Англиканский епископат являл собою нешуточную силу, с которой король никак не хотел ссориться. И шархнул в другую крайность: выслал из Лондона всех католических священников (обратим внимание: все-таки только выслал, ни одного человека не то что не казнил, но и не бросил за решетку). И льготы католикам отменил. Правда, англиканская церковь от этого выиграла немного: Иаков не стал восстанавливать штраф за непосещение хра-

мов, и многие прихожане по-прежнему на службы не ходили...

С борьбой с пиратством тоже получилось как-то... нескладно. Нет, английские адмиралы королевский приказ выполнили добросовестно: Ирландское море и Ла-Манш от пиратов очистили совершенно. Часть пиратов удалось поймать и повесить без церемоний на нок-реяx, но большая часть от правосудия ускользнула. И не подумала осесть на берегу и зарабатывать на хлеб честным трудом. Не те были мальчики. Вся эта разноплеменная орава просто-напросто подалась за Атлантику и обосновалась на островах Карибского моря, именно тогда и получившего право зваться флибустьерским. Известное стихотворение Павла Когана «Бригантина», ставшее впоследствии бардовской песней, так и начинается: «В флибустьерском дальнем море бригантина поднимает паруса». Флибустьерское море – это именно Карибское. Пиратская братия, этакий интернационал, более ста лет там форменным образом царствовала – имела не только свои береговые поселения, но даже свой город, даже два: знаменитые Тортуга на одноименном острове и Порт-Ройаль на Ямайке. Своя стройная система понятий, свои писанные контракты. Очень долго военные флоты нескольких держав, несмотря на отдельные успехи, ничего не могли с этой махновщиной поделать, ее разгромили только в начале XVIII в.

Разгул «берегового братства», как гордо именовали себя флибустьеры, по большому счету не причинял англичанам

времен Иакова ни малейшей головной боли, поскольку никоим образом не задевал их интересов – английские колонии в Америке пребывали в зачаточном состоянии, морем ничего ценного не везли ни туда, ни оттуда. А плававшие с живым грузом «черного дерева» в испанские колонии английские работорговые корабли были вооружены до зубов, и команды состояли из натуральных головорезов – так что живо разделали бы любых флибустьеров. Главное, воды, омывавшие Британские острова, оказались от пиратов очищены. Так что англичане откровенно посмеивались, глядя, как «береговые братья» захватывают корабли клятых испанских папистов, а также чертовых лягушатников и ставших к тому времени ненавистными голландцев.

Вот только смеяться пришлось недолго...

Кто-то из знаменитых сказал: природа не терпит пустоты. А старая русская пословица гласит, что свято место пусто не бывает...

В Средиземном море столетие буквально владычествовали пираты мусульманские, базировавшиеся в портах североафриканских магометанских государств, в основном в Алжире, в Тунисе и ныне ливийском Триполи (кому тогда принадлежал Триполи, мне было лень выяснять, за что читатель, думаю, будет не в претензии). В точности как европейские короли, владельцы этих государств охотно крышевали пиратов за процент с добычи. В точности как их христианские собратья по ремеслу, магометанские корсары не заморачи-

вались религиозными делами, с одинаковым рвением захватывали как корабли «гяуров», так и единоверцев.

Всю эту публику (видимо, чтобы не плодить лишних терминов) скопом именовали «берберийскими пиратами». Как и христианские собратья, ребята были законченными отморозками. И, в отличие от христианских собратьев, резвились в своем море гораздо дольше. Еще в середине XVIII в. устраивали набеги на побережья Италии, Франции и Испании, не только грабили, но и, подобно шотландцам (о которых наверняка и не слыхивали), старались захватить знатных пленников и пленниц, за которых можно было получить богатый выкуп. Нужно еще отметить, что среди них было немало европейских авантюристов, в погоне за птицей удачи сбегавших к «басурманам» и принявших ислам. Истребить этих отморозков и разгромить их базы удалось только в первой трети XIX в. усилиями военных эскадр нескольких европейских государств и США (Штатам они тоже изрядно напакостили – к тому времени американские торговые корабли в немалом количестве плавали в Средиземном море).

Закончу примером из истории собственной родины: в сибирской тайге медведи обитают каждый на своем, имеющем пусть и невидимые, но четко очерченные границы участке. Чужака изгоняют беспощадно. Однако если участок остается бесхозным после смерти хозяина от охотничьей пули или просто от старости, рано или поздно туда непременно придет другой медведь...

Роль медведя для данного случая сыграли берберийские корсары. Прослышав, что в Ирландском море и в Ла-Манше неожиданно-негаданно возник острейший дефицит морских разбойников, они туда очень быстро нагрянули немаленькой оравой и развернулись по полной программе, так, что взывала не только Англия, но и весь христианский мир – все страны, занимавшиеся морскими грузоперевозками. Что интересно, награбленное берберийцы не увозили на родину, за тридцать морей, а ради быстрой выгоды продавали тут же, на месте, по ценам ниже рыночных – английским и фламандским купцам. Те охотно покупали и, в свою очередь, продавали «басурманам» порох и оружие. Религиозными различиями обе стороны нисколько не заморачивались – серьезный бизнес всегда был выше подобной лирики. Правда, магометанская вольница гуляла недолго, всего несколько лет. О том, кто с ней покончил и при каких обстоятельствах, будет рассказано в главе о пиратстве времен Иакова.

Теперь – о коррупции, взятках и откатах. Иаков имел к этому самое прямое отношение. Процент с продажи патентов на монополии он не брал (вроде бы не брал). Отыгрывался на другом – получая долю с принявшей широкий размах торговли титулами пэра Англии и довольно высокими государственными должностями. Продавцы, разумеется, не кричали на улицах подобно лоточникам: «А вот кому!» – и никаких объявлений не вывешивали – такие дела обставляются гораздо деликатнее. Просто-напросто всякий заинтере-

сованный персонаж прекрасно знал: если занести такому-то лорду столько-то – станешь пэром Англии. Если занесешь другому лорду полстолька – получишь немаленький пост, на котором казнокрадством, взятками и откатами быстро отобьешь все расходы. Тарифы существовали твердые.

Давненько уже английские монархи деньги на жизнь получали всего из двух источников: доходы с королевских имений и доля с налогов (был еще и третий – выделяемые парламентом субсидии, но он оказался очень уж ненадежным: парламентарии частенько фордыбачили, в обмен на субсидии требовали тех или иных уступок). С королевскими имениями обстояло скверно – изрядную их часть Елизавета раздала фаворитам. Оставались налоги. Вот тут Иаков оттянулся по полной – сплошь и рядом, нужно признать, с некоторым изяществом. Существовала практика, по которой король имеет право без согласия парламента брать пошлины лишь с торговли шерстью, кожами и оловом. Однако Иаков к этому отнесся с восхитительным пренебрежением. Его прикормленные судьи в два счета вынесли новое постановление: «Все пошлины суть следствие заграничной торговли, а все торговые дела и договоры с иностранными державами подлежат неограниченной власти короля; поэтому тот, кто имеет власть над причиной, господствует и над следствием». Ну а с решениями суда ничего не мог поделаться и парламент. Опираясь на них, Иаков установил новые пошлины чуть ли не на все виды импорта и экспорта. А вдобавок распустил Левант-

скую торговую компанию (была и такая, торговала со странами Леванта, как тогда именовались мусульманские державы Восточного Средиземноморья). Причем не просто распустил – торговлю продолжали купцы-одиночки, но прежние пошлины, взимавшиеся Левантской компанией, король сохранил и перевел на себя.

В Англии тогда существовал так называемый «корабельный» налог, деньги от которого за вычетом королевской доли шли на строительство и содержание военных кораблей. Взимали его только в тех графствах, что граничили с морем. Иаков распространил этот налог на все без исключения графства, в том числе и чисто «сухопутные». Как и следовало ожидать, парламент возбудился. Иаков обе палаты ошарашил неожиданным заявлением (явно ухмыляясь про себя лукаво и цинично): он ничуть не самодурствует, а просто-напросто пускает в ход старый английский закон, по которому корабельный налог следует как раз собрать со всех графств, без различия на «морские» и «сухопутные». Полезли в архивы. Там и точно отыскался в пыльном углу именно такой закон. Он был крепенько забыт и не применялся лет сто, если не больше, но отменен не был, а следовательно, считался действующим. Крыть было нечем, и парламентарии уныло заткнулись.

Иаков (о чем он сам и понятия не имел) стал последним английским королем, который мог позволить себе роскошь не церемониться с парламентом. Он и не церемонил-

ся. Парламент созыва 1610 г. предложил королю так называемый «великий договор»: Иаков отказывается от некоторых устаревших феодальных прав вроде опеки над малолетними дворянскими сиротами и выдачей замуж сирот женского пола и безвозмездного изъятия у населения в чрезвычайных обстоятельствах разнообразных припасов. Парламент, в свою очередь, ему будет ежегодно выплачивать дополнительно 200 000 фунтов. Иаков, в принципе, был не против, для него-то сделка была крайне выгодной, но ее сорвала парламентская оппозиция. Разозленный Иаков пустил в ход крайне эффективное оружие, против которого у парламента попросту не было никакой защиты. Сохранялось право короля в любой момент распускать парламент и собирать новый, когда его величеству заблагорассудится. Так что Иаков совершенно законным образом парламент распустил (называя вещи своими именами – разогнал), а для пущей надежности четырех вожаков оппозиции законопатил в Тауэр. Правозащитников тогда и в проекте не было, так что кричать о вопиющем нарушении демократии было некому. Три года (1611–1614) Англия жила вовсе без парламента – и вы знаете, небо не упало на землю, а люди не начали есть друг друга. Страна жила в обычном ритме, особенно и не печалась отсутствию парламента (я так думаю – если завтра Путин на неопределенный срок распустит Госдуму, всем, кроме кучки политически озабоченных крикунов, это будет до лампочки, а страна не погибнет. Наоборот, выйдет большая экономия денег –

Госдума налогоплательщикам влетает в копеечку).

Оставшись без парламента, Иаков зря времени не терял. Широко пользовался прежними правами как опекун малолетних наследников и человек, по феодальному праву дававший согласие на выдачу замуж дворянских девушек-сирот. В первом случае доходы с имений сироток шли до их совершеннолетия в королевскую казну, а за разрешения на брак взималась немаленькая плата. Денег все равно не хватало, и Иаков обратился к старой практике, от которой в свое время отказался даже всемогущий Генрих Восьмой – добровольно-принудительным «займам» у подданных. Богатым землевладельцам бурным потоком хлынули письма от Королевского совета, открытым текстом требовавшие дать королю денег займы или прислать ценные подарки. Затея эта провалилась: прямой приказ выполнила небольшая часть адресатов, а большинство попросту промолчали и никак не отреагировали, прекрасно понимая, что данных «в займы» денег никогда больше не увидят, а преподносить королю ценные подарки просто так... А собственно, с какой стати? Ну а силком конфисковывать что-то Иаков все же не решился – не те времена стояли на дворе.

В поисках денег Иаков сделал оставшееся уникальным в европейской истории изобретение. Изобрел новый дворянский титул – баронет. За тысячу фунтов золотом его мог приобрести любой желающий, будь он хоть дворянин, хоть галантерейщик наподобие незабвенного г-на Бонасье из «Трех

мушкетеров». Деньги были серьезные – в то время батрак на ферме зарабатывал примерно пять фунтов в год, фунт стоила корова. В английском законодательстве на сей счет имела большая прореха. Никто из прежних законодателей такого казуса не предусмотрел. Не было закона, разрешающего королю изобретать новые дворянские титулы, но не было и закона, запрещавшего это делать. Что не запрещено, то разрешено. Так что баронетов Иаков наплодил изрядно. Если вам попадется английский баронет, знайте: его прапрадедушка, неизвестно каким коровам хвосты крутивший, попросту купил у короля титул, как мешок картошки.

(Маленькое геральдическое отступление. Очень легко отличить гербы баронетов от всех прочих английских дворянских – у баронетов, и только у них, в гербе присутствует «краденая рука»: серебряный щиток, на котором изображена красная кисть руки с растопыренными пальцами, причем ладонь – левая. Мне стало любопытно, но до происхождения и значения именно этого символа я так и не докопался, хотя добросовестно перелопатил несколько серьезных книг и энциклопедий по геральдике. Рука с мечом (черно-белая) часто увенчивает английские гербовые щиты и присутствует на гербах европейских дворян разных стран. И не только. Такая рука красовалась и на гербе Боснии времен австрийского владычества, и на польском королевском знамени XVII в.: вместо традиционного красного флага с белым орлом – красный флаг, на котором из облака выходит рука с турецкой саб-

лей. Однако о «красной руке» баронетов я ничего не нашел. Лишь в самом капитальном труде «Геральдика» Джованни Санти-Мадзини мимолетно упоминается, что это как-то связано с Ирландией. Интересно, кстати, что в античности левая рука считалась менее «благородной», чем правая, символом неблагополучия, нечистой. У древних римлян она впоследствии считалась рукой воров – именно такая рука принадлежала покровительнице воров богине Латерне. В античные и древнеримские времена у всякой профессии, даже у воров-разбойников, был свой покровитель, бог или богиня. У древних язычников богов и богинь было как собак нерезанных.

В случае с баронетами Иаков заботился не только о пополнении кармана, но и снова проявил себя неплохим государственнымником. В то время англичане как раз начали планомерную колонизацию Ирландии, «отжимая» у ирландцев земли. Началось с провинции Ольстер (она и сегодня – единственная из ирландских областей, оставшаяся под властью британской короны). Земли в Ольстере Иаков в первую очередь раздавал баронетам, ставшим его опорой. На гербе графства Тирон и города Ландендерри (оба в Ольстере) изображена та самая красная рука. Ладонь, правда, правая. Так что красная рука баронетов действительно как-то связана с Ирландией.

Единственное бледное подобие изобретения Иаковом титула баронета можно отыскать в Европе в XVIII столетии. Граф Филипп Фердинанд, суверенный владетель аж трех из

множества микроскопических германских государств, в дополнение к прежним орденам учредил три новых с крайне пышными названиями: «Орден Льва голштинско-лимбургского», «Орден соединенного родовитого дворянства», «Крест азиатского ордена, основанного султаном Али» – исключительно для того, чтобы за хорошие деньги награждать всех желающих. При чем тут совершенно неизвестный истории «султан Али», лично мне решительно непонятно. Однако желающие толпились в очереди, пихаясь локтями и оттаптывая друг другу ноги, – в том веке орден значил очень много, гораздо больше, чем в последующие столетия.

Вернемся к Иакову. Самая неприглядная страница истории его правления – разгул алчных королевских фаворитов, опять-таки беспрецедентный в английской истории.

Первопроходцем тут был шотландец по происхождению, небогатый дворянин и королевский паж Роберт Карр. Он одно время оказывал огромное влияние на внутренние и внешние дела, стал виконтом Рочестером, а там и графом Сомерсетом, женился на Терезе Говард, разведенной леди Эссекс (история ее развода, которому покровительствовал сам король, довольно грязная, но я ее здесь приводить не буду, поскольку никакого отношения к нашей главной теме она не имеет). В конце концов Карр заигрался. Очень опасно затевать уголовные преступления, если у тебя много сильных и влиятельных врагов... В один прекрасный день оказалось, что Карр и прекрасная Тереза отравили известного поэта, сэ-

ра Томаса Овербери. Причем первую скрипку играла как раз Тереза, у которой были причины сэра Томаса люто ненавидеть: друг Карра, имевший на него большое влияние, Овербери отговаривал того от женитьбы на Терезе и даже высмеял ее в поэме «Жена». Все вскрылось при обстоятельствах, пожалуй что, мелодраматических: один из рядовых исполнителей, умирая и исповедуясь, признался в содеянном — как случилось со многими, не желавшими уходить на тот свет с грехами на душе. Кто-то написал донос. Донос лег на стол одному из могущественных врагов Карра. Быстренько арестовали всех названных умирающим сообщников, аптекарей, колдунов и колдуний. Те, не дожидаясь пыток, дали подробные и убедительные показания. «Сладкая парочка» предстала перед судом. Уже в ходе следствия выяснилось, что Тереза пыталась в свое время отравить и первого мужа, графа Эссекса, чтобы выйти замуж за фаворита.

Суд приговорил обоих к отсечению головы. Однако Иаков приговор смягчил: к фавориту, видимо, все еще питал симпатию, а трогать Говардов, родственников покойной королевы Екатерины Говард, не решился и король. Очень уж влиятельный был род: его представители занимали сильные позиции при дворе, половину высших государственных должностей (в том числе держали в руках Казначейство, Монетный двор, Адмиралтейство, армию). Несколько Говардов были комендантами военных портов, а целых девять — лордами-наместниками графств. Задираться с такими — себе доро-

же. Иаков ограничился тем, что несколько лет продержал парочку отравителей в Тауэре – как обычно, в весьма комфортабельных условиях (Тереза даже родила в тюрьме дочь). Потом их выпустили. Всю подвижность и неподвижность, правда, конфисковали, за исключением домишки в провинции, где супруги и провели остаток долгой жизни.

Второй фаворит, сэр Филипп Герберт, промелькнул таким метеором, успев разве что стать графом Монтгомери. На первый план надолго выдвинулся мелкий дворянчик из провинции Джордж Вильерс. Получил огромное влияние на государственные дела, стал сначала виконтом, а потом маркизом и герцогом Бекингемом. Ага, вот именно. Тот самый герцог Бекингем, знакомый нам по «Трем мушкетерам». Вот только Дюма изрядно польстил Бекингему, изобразив его романтическим кавалером, воздыхателем Анны Австрийской. Реальный Бекингем с этим образом не имеет ничего общего.

В истории не раз случалось, что королевские, царские и императорские фавориты в разных странах становились крупными государственными деятелями (в случае Англии за примерами далеко ходить не надо – еще был жив и занимал немаленькие посты сэр Уолтер Рэли). Однако Бекингем был тупой бездарностью и печально прославился лишь тем, что в четыре руки греб замки и поместья, высокие государственные должности и титулы, деньги и почести. Вот относительно него следует полностью согласиться с Чарлзом Диккенсом, написавшим: «невежда и выскочка, безмозглый прохо-

димец, который мог похвастать разве что красотой и умением танцевать. Такой продувной бестии здесь (при дворе. — А.Б.) еще не видели».

Ну что же, еще граф Кларендон, видный английский политик и историк, писал: «Я думаю, ни в какой век и ни в какой стране никто никогда не достигал в такое короткое время таких почестей, власти и богатства, и не какими-нибудь достоинствами или талантами, а просто личной красотой и изяществом». В год смерти Бекингема Кларендону было 16 лет — достаточно серьезный возраст (особенно по меркам того времени), чтобы здраво оценивать людей и события.

Подавляющее большинство английских историков Бекингема не удостоили ни единым добрым словом. Случались и исключения, например, Черчилль, назвавший Бекингема «сообразительным и неординарным юношей». Неординарности в Бекингеме не было ни на грош, а вся его сообразительность служила исключительно для того, чтобы вымогать у короля все новые блага. Не понимая в морском деле, вообще в военном ни уха ни рыла, он добился поста первого лорда Адмиралтейства, то есть военно-морского министра. Чтобы освободить для любимчика кресло, Иаков отправил в отставку лорда Эффингема, того самого, что командовал английским флотом при разгроме Непобедимой Армады. Командовал, правда, чисто номинально, победу обеспечили «морские собаки» Дрейк, Фробишер и Хоукинс, но все равно человек был гораздо более родовитый и заслужен-

ный, чем препустой юнец. На высоком посту Бекингом, как и следовало ожидать, ничем себя не зарекомендовал, разве что печально прославился откровенной гнусностью. Военные моряки при нем годами не получали жалованья – как видим, систематическая задержка зарплаты отнюдь не изобретение ельцинских времен. Деньги, без сомнения, шли в карман Бекингу – примерно так развлекался позже Григорий Орлов, беззастенчиво грабивший немаленькую казну артиллерийского ведомства, которым заведовал (правда, свою меру знал – воровал только половину). Как-то в Лондоне толпа оголодавших моряков остановила карету Бекинга и в голос потребовала выдать наконец жалованье. Бекинг велел телохранителям схватить самых горластых и без суда и следствия повесить на ближайших воротах – что и было исполнено. По всем юридическим меркам тогдашней Англии это был невероятный беспредел, но все дружно притворились, будто ничего не заметили.

Во дворце Бекинг появлялся в наряде, расшитом алмазами и жемчугами так, что из-под них не видно было шелка и бархата. Современники оценивали этот наряд в 80 000 фунтов стерлингов – по тем временам сумма умопомрачительная, которой хватило бы, чтобы построить и снарядить немаленькую эскадру военных кораблей. Поставить рядом с Бекингом можно лишь Григория Потемкина, по торжественным дням щеголявшего в кафтане, сплошь расшитом бриллиантами (в те времена уже давно научились гранить алма-

зы, превращая их в бриллианты). Современники этот кафтан оценили в миллион рублей – опять-таки фантастическая по меркам XVIII в. сумма. Вот только Потемкин прославился государственными делами и военными подвигами, а Бекин-гем не сделал ничего полезного и на медный грош...

Вынужден с некоторой грустью уточнить, что среди множества придворных, прямо-таки пресмыкавшихся перед всемогущим юным фаворитом, оказался и сэр Френсис Бэкон. Именно по милости Бекингема он стал лордом-канцлером, пэром Англии, бароном Веруламским (некоторые авторы так его и именуют, Бэкон Веруламский, явно не подозревая, что это не фамилия и не прозвище от названия какой-то местности, а титул), а потом и виконтом Сент-Олбанским. Ну что поделать, не он первый и не он последний среди великих людей, гонявшихся за мирскими благами...

Бекингем продержался до самой смерти Иакова, перешел «по наследству» к его сыну Карлу Первому, к которому тоже вошел в милость. Наверняка еще долго грабастал бы сладкие пряники охапками и мешками, но случилось иначе. Конец его был печален, но только для него самого, а вся Англия, без преувеличений, лишь облегченно вздохнула, и на радостях было выпито немало. О том, как закончилась препустая жизнь жалкого и ничтожного человечка, я расскажу в главе о Карле Первом. А сейчас – обещанный подробный рассказ о двух серьезных заговорах, случавшихся в правление Иакова, – и оба провалились...

Зловещий шепот по углам

Душой первого стал наш старый знакомый, ни в чем не знавший удержу сэр Уолтер Рэли. Причины были чисто личными. Когда-то он и горбун Роберт Сесил, начальник английской секретной службы, слыли закадычными друзьями, но потом, как частенько с придворными бывает, стали заклятыми врагами. Сесил, немало способствовавший восшествию на престол Иакова, карьеру при нем сделал головокружительную: ведал иностранными делами, стал лордом-казначеем (главой Казначейства), лордом-хранителем Малой королевской печати, первым графом Солсбери (родоначальником фамилии), кавалером высшего английского ордена Подвязки... да всего не перечислить (нужно отметить, что Сесил, в отличие от Бекингема, все же был незаурядным государственным деятелем).

Рэли, к коронации Иакова не имевший никакого отношения, остался в прежних должностях и королевскими милостями был обделен. Тем обиднее ему было видеть стремительное возвышение Сесила. С лихой непринужденностью истого елизаветинца Рэли стал планировать заговор, чтобы с помощью вооруженного отряда захватить короля и заставить его вышибить Сесила в отставку. Я же говорю, елизаветинцы были напрочь лишены мелочности и все, что бы ни задумывали, планировали с размахом. Вот и теперь Рэли решил не

ограничиваться пошлыми придворными интригами...

По каким-то своим причинам к нему присоединился лорд Кобхэм, личность, в общем, незначительная, оставшаяся в истории как раз благодаря участию в заговоре Рэли. К ним примкнули еще несколько человек. Что любопытно, в самом сердечном согласии в заговоре участвовали католические священники и знатные пуритане. Жизнь заставила – и те и другие были Иаковом недовольны из-за его политики в их отношении, отдававшей первенство англиканской церкви.

Кобхэм все дело и провалил. Вероятнее всего, он был несдержан на язык – и, как водится, какая-то добрая душа на него донесла куда следует (или, если пользоваться более возвышенными формулировками, исполнила свой гражданский долг). Кобхэма быстренько арестовали, и он заложил всех остальных. Всех и взяли.

Следаки Сесила, предвосхищая будущую практику ежовских костоломов из НКВД, состряпали «амальгаму» – внушительную смесь вымышленных и реальных обвинений. Надписали, что Рэли хотел вообще свергнуть Иакова и возвести на престол его законнорожденную племянницу, молодую леди Арабеллу Стюарт. Да вдобавок пришили вовсе уж несуразицу: якобы Рэли, всю жизнь бывший заклятым врагом испанцев, собирался поспособствовать испанцам в оккупации Англии.

Вздор, конечно. Леди Арабелла, веселая и остроумная го-

лубоглазая красавица, и в самом деле устроила нечто вроде заговора, но исключительно, если можно так выразиться, в личных целях. История романтическая – и печальная. Арабелла по страстной любви стала любовницей придворного красавца Уильяма Сеймура, двенадцатью годами ее моложе. Это бы еще ничего, дело вполне житейское, но влюбленная парочка тайно обвенчалась, что отчего-то вызвало нешуточную ярость Иакова. Ее причины так и остались непонятными: своих планов касательно замужества племянницы у Иакова не было, а Сеймур, в конце концов, был не безродным бродягой с улицы: в силу генеалогии имел даже некоторые права на английский престол. Возможно, именно это и привело короля в ярость: появилась супружеская пара, имевшая права на престол и способная составить нешуточную конкуренцию его собственным сыновьям, – в таких случаях «живым знаменам» даже не надо искать сообщников, сами прибегут...

В конце концов Арабеллу посадили под домашний арест в доме некоего сэра Парри, а Сеймура проторенной дорожкой отправили в Тауэр. Оба решили бежать из Англии. Надежных друзей хватало, а тетка Арабеллы, графиня Шрусбери, выделила на это предприятие 20 000 фунтов.

Сеймур из Тауэра благополучно бежал – не по веревочной лестнице ночью, отнюдь. Переоделся в доставленный друзьями с воли наряд простого возчика, сел на облучок повозки, подогнанной в Тауэр опять же друзьями, и беспрепятствен-

но выехал за ворота. А потом столь же благополучно уплыл во Францию. Похоже, в охране Тауэра тогда состояли изрядные лопухи...

Арабелле не повезло – ее, переодетую в мужской костюм, перехватили в Англии. По приказу короля посадили в Тауэр, где она через несколько лет сошла с ума и умерла. Вот и весь «заговор Арабеллы Стюарт» – история, согласитесь, романтическая и грустная...

От большинства надуманных обвинений сэр Уолтер Рэли на суде отбился, произнеся речь, которую даже его враги считали «блестящей».

Но вот обвинения реальные опровергнуть было трудно. Всех проходивших по делу приговорили к смертной казни. Иаков и теперь крови особенно не жаждал: казнили только двух католических священников, остальным на эшафоте эффектно зачитали королевское помилование. Рэли надолго отправился в Тауэр, лорд Кобхэм просидел за решеткой тринадцать лет, что случилось с остальными, не знаю – они мне глубоко неинтересны, я и имен-то не стал выяснять.

Второй заговор, в отличие от многих получивший имя собственное – Пороховой, состоялся в следующем, 1605 г. Точнее, как и предшествующий, не состоялся...

Задуман он был со всем размахом, свойственным буйной елизаветинской эпохе. Ничего удивительного – все его участники как раз и были «птенцами гнезда Елизаветы», со дня смерти которой не прошло и двух лет. Заговор был чисто

католическим. Возглавлял его знатный человек, сэр Кэтсби, но все лавры (если только уместно такое определение) достались непосредственному исполнителю, бывшему военному Гаю Фоксу. Вот уж где мелочности не было – совсем наоборот: заговорщики планировали ни много ни мало – взорвать парламент вместе со всеми его членами и королем, присутствовавшим на торжественном открытии очередной парламентской сессии.

Сняв дом в Вестминстере, неподалеку от здания парламента, заговорщики прокопали подземный ход в подвал и принесли туда тридцать шесть бочонков пороха. Власти, однако, что-то проведали, и Фокса схватили через несколько минут после наступления дня торжественного открытия парламента, 5 ноября 1605 года. А там перехватили и остальных – несколько, правда, были убиты при классической «попытке к бегству». Всех схваченных пытали и казнили. В Англии, где традиции, как неоднократно повторялось, очень любят, до наших дней соблюдается красивый ритуал – ежегодно в ночь с 4 на 5 октября подвалы парламента обходит процессия в костюмах времен Иакова, освещая себе дорогу фонарями со свечами, – как будто ищут порох. А День Гая Фокса, 5 ноября, стал в Великой Британии неофициальным, но шумно отмечающимся праздником. По всей стране таскают чучела Гая Фокса, которые потом торжественно жгут, как у нас на Масленицу кое-где до сих пор жгут чучела Зимы. Этим не ограничиваются. День Гая Фокса – нешуточ-

ная головная боль для английских пожарных и медиков: повсюду жгут костры, пускают фейерверки, а поскольку многие участники веселой потехи успевают изрядно принять на грудь, и пожары случаются, и пострадавших хватает. Мои знакомые несколько лет назад были в Лондоне как раз в День Гая Фокса. Это, говорят, почище, чем у нас под Новый год – и пьяных нисколечко не меньше.

В общем, история, достойная высокобюджетного блокбастера. Вот только...

Очень уж многие авторы, пишущие о Пороховом заговоре, считают, что это с самого начала была провокация конторы Сесила, преследовавшая две цели: во-первых, еще больше настроить общественное мнение против коварных католиков и заграничных иезуитов, во-вторых, лишний раз доказать королю и властям свою незаменимость. Я не буду здесь приводить их обширные и убедительные аргументы в защиту своей версии. Эту версию, возникшую среди английских историков еще в XIX в., в отечественной литературе наиболее подробно рассмотрел историк разведки Е.Б. Черняк. Его знаменитая книга «Пять столетий тайной войны» впервые вышла лет пятьдесят назад – и несколько раз переиздавалась уже в этом столетии. Любопытствующих к ней и отсылаю.

Кровавые паруса

Английские морские разбойники не перевелись и во времена Иакова – разве что полностью лишились прежней государственной поддержки и действовали теперь исключительно на свой страх и риск. Пожалуй, пристального рассмотрения заслуживают лишь две примечательные фигуры – остальные, честно говоря, мелочь.

Первый – это сэр Уолтер Рэли. В Тауэре он просидел тринадцать лет – опять-таки в самых комфортабельных условиях. Он написал немало стихов, несколько солидных исследований: «Обзор королевского военно-морского флота», «Трактат о кораблях», «Прерогативы парламента», «Правительственный совет». Закончил первую книгу задуманной им многотомной «Всемирной истории». И отправил Иакову несколько посланий на одну из своих любимых тем – о стране Эльдorado, где улицы вымощены золотом, а золотыми слитками играют дети.

Иаков тоже поверил в Эльдorado – в конце концов, чуть ли не половина мира тогда была совершенно не исследована европейцами (через сто с лишним лет Джонатан Свифт в романе «Путешествия Гулливера» поместит в Тихом океане острова лилипутов, великанов и разумных лошадей-гуингмов – многие районы океана оставались на картах огромными «белыми пятнами», и уличить Свифта в вымысле было

технически невозможно).

Король выпустил Рэли на свободу и дал ему несколько кораблей – при неудаче он терял не так уж много, а при удаче несметные сокровища Золотой Страны оказались бы как нельзя более кстати.

Рэли, похоже, был последним, кто свято верил в существование Эльдорадо – по крайней мере, последним из знаменитостей. Однако, прекрасно зная прежние подвиги Рэли, Иаков перед отплытием взял с него честное слово, что он не будет нападать на испанцев, вообще не ступит ногой на испанские земли в обеих Америках. Рэли поклялся честным словом.

Экспедиция провалилась полностью. Прежняя удача от Рэли отвернулась. Из-за штормов ему не удалось даже войти в устье Ориноко, где он по старой памяти собирался искать Эльдорадо. В одной из схваток с индейцами погиб его старший сын. Эскадра Рэли ни с чем отправилась восвояси.

Как это так ни с чем?! – возопила буйная натура сэра Уолтера. Опять-таки по старой памяти он решил хоть чем-нибудь разжиться у «старых знакомых» – испанцев. И оказался в положении жившего несколькими десятилетиями раньше казацкого атамана Ивана Кольцо, о котором наверняка и не слышал...

Означенный атаман не один год пиратствовал на Волге, как и подобает пирату, грабил всех подряд, но особое внимание уделял персидским торговым кораблям – их по Волге

плавало немало. Против персов он действовал по тайным инструкциям из Москвы, помогавшей Ивану деньгами, провиантом и оружием – в точности как Елизавета снабжала своих пиратов. Разница в том, что атаман Кольцо добычей с московским царем не делился. В ответ на сердитые послания персидского шаха Грозный отвечал в точности так, как Елизавета испанскому королю: это своевольничают нахальные одиночки, которые к короне никакого отношения не имеют, и корона не в состоянии на них как-либо воздействовать.

Потом большая политика, как ей часто свойственно, совершила резкий поворот на сто восемьдесят градусов – в точности как обстояло у Иакова с испанцами. Теперь государственные и политические соображения требовали от Москвы дружить с Персией. Ивана Кольцо его кураторы из русской разведки наверняка поставили об этом в известность, но вольный казак, не привыкший подчиняться кому бы то ни было, инструкциями из Центра пренебрег. Захватил богатый караван, с которым в Россию плыли не только купцы, но и персидские послы. Некоторых отпустил, но большинство, человек чуть ли не триста, преспокойно перерезал – а чего с басурманами церемониться?

Узнав об этом, Грозный осерчал. Ивана Кольцо объявили во всероссийский розыск уже как «вора», то есть государственного преступника (уголовные всем скопом именовались по-другому – «тати»). После поимки его неминуемо ждала плаха.

Вот так и Рэли по старой памяти решил напасть на испанцев. Некоторые смягчающие обстоятельства для него найти можно: почти все время правления Иакова Рэли провел за решеткой. Сведения о событиях в большом мире он, конечно, получал, но общую обстановку предоставлял себе плохо, и испанцы для него оставались врагом изначальным.

От кого-то Рэли услышал, что в маленьком испанском городке Сан-Тимотео (Святой Фома) есть золотой рудник. И повернул туда. Беззащитный городок он без труда взял штурмом, но грабить там оказалось особенно и нечего, а никакого золотого рудника там не было. Решив потрянуть стариной, Рэли собрался перехватить в море очередной «золотой караван», но тут уж взбунтовались его капитаны, гораздо лучше представлявшие себе политическую обстановку и знавшие об обещании, взятом королем с Рэли. В государственные преступники никому не хотелось.

Рэли пришлось возвращаться домой. Дома страшно разгневался король Иаков. Дело было даже не в том, что Рэли вернулся с пустыми руками – его американские похождения ставили под удар мирные отношения с Испанией. Ну и нарушение честного дворянского слова по тем временам (как и в последующие столетия) выглядело очень неприглядно...

Рэли даже не пришлось судить – просто-напросто отыскали где-то в дальнем углу давешний смертный приговор и смахнули с него пыль. Рэли поднялся на эшафот при большом стечении публики. Говорили потом, что он сказал па-

лачу, кивнув на топор:

– Лекарство острое, зато излечивает от всех болезней.

Может быть, это и не легенда – вполне в стиле сэра Уолтера.

Он был последним елизаветинцем из той блестящей плеяды ярких и разносторонних личностей, что всяк на свой манер гнули под себя изменчивый мир. В последующие столетия знаменитости, конечно же, появятся – дипломаты, военные, государственные деятели, творческие люди. Но вот таких, причудливо совмещавших в себе и нешуточные пороки, и немалые достижения во многих областях жизни, никогда больше не будет. Пират, поэт, прожектор, философ, писатель... Иногда кажется, что ему достаточно было бы просто увидеть Эльдorado с его мощенными золотом улицами. В отличие от многих современников и собратьев по морскому разбою, Рэли не замечен в особом интересе к звонкой монете. Карьеру, подобно многим, делал с удовольствием, к должностям стремился, подаренные королевой поместья принимал, но вот деньги его как-то не особенно и занимали. А титулы не интересовали совершенно – он так и остался «просто» сэром, хотя без труда мог бы добиться от Елизаветы любого.

Обязательно нужно добавить, что в Тауэре Рэли устроил химическую лабораторию, где занимался опытами по опреснению морской воды (в чем, по-моему, был первопроходцем), а также создал сильнодействующий сердечный препара-

рат.

Три вещи есть, не ведущие горя,
пока судьба их вместе не свела.
Но некий день их застигает в сборе,
и в этот день им не уйти от зла.
Те вещи: роща, поросль, подросток.
Из леса в бревнах виселиц мосты.
Из конопли веревки для захлесток.
Повеса ж и подросток – это ты.

Это стихи сэра Уолтера, написанные им в Тауэре и отправленные сыну, тому самому, который потом погибнет от индийской стрелы где-то возле устья Ориноко. И это всё о нем. «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай» (Шекспир).

Английский морской разбой при Иакове (а потом и при Карле Первом) переживал безусловный упадок. Отдельные морально нестойкие личности колобродили во Флибустьерском море, но исключительно на свой страх и риск, под вечной угрозой петли на нок-рее. «Морских собак», располагавших государственной «крышей», долго не было. Английское каперство расцветет пышным цветом только во второй половине столетия.

Завтра будут праздники, а пока – пляшет сердце по-за ребрами гопака...

И в правление Иакова объявился крайне колоритный персонаж, заслуживающий отдельного рассказа. Рядом с «морскими собаками» Елизаветы его все же никак нельзя поставить, но личность была яркая, елизаветинцы наверняка признали бы за своего.

Знакомьтесь: Генри Мейнуэринг. Не дворянин (ни один источник не называет его сэром), но безусловно джентльмен из хорошей семьи – окончил юридический факультет Оксфорда. Однако юридическая карьера его, сразу ясно, ничуть не прельщала – и молодой дипломированный законник завербовался на военный флот, где как джентльмен быстро дослужился до офицерского чина. Но и там непоседливому молодому офицеру было скучно. Его явно вдохновляли елизаветинские «морские собаки» – и Генри решил последовать их примеру.

Кадры у него на такой случай были: в Плимуте, где он служил, Мейнуэринг неведомо каким образом заработал нешуточный авторитет у тамошних кабацких завсегдатаев, среди которых было немало моряков, дезертиров с военного флота, всегда готовых отправиться в море за добычей. «Мы не

сделали скандала – нам вождя не доставало. Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». В данном случае энергичный и авторитетный вожак нашелся. Сколотил команду из отпетых личностей, и она начала вынюхивать по кабакам, не отыщется ли подходящее судно.

Таковое нашлось: двухмачтовый корабль из Антверпена – как раз и груженный оружием для берберийских корсаров, обосновавшихся под крышей тунисского бея. Команда состояла всего-навсего из 15 человек, вовсе не вооруженных. Когда половина команды сошла на берег, их якобы невзначай перехватили ребята Мейнуэринга и в ближайшем кабаке напоили вусмерть. Голландцы не имели ничего против. Потом вся бандочка поднялась на борт и без всякого шума, не привлекая внимания, вырубилась всех, кто был на корабле. Об их участии точных сведений нет, но, учитывая последующее поведение Мейнуэринга, можно предположить, что им не перерезали глотки, а бесчувственными побросали на набережной – или, что более вероятно, высадили где-нибудь на пустом берегу. Захватив корабль, орлы Мейнуэринга преспокойно снялись с якоря и подняли паруса. Никто и внимания не обратил – в большом порту никто особенно не приглядывается к соседям, в точности как постояльцы большого отеля.

Мейнуэринг взял курс на Тунис, куда и предназначался груз, справедливо рассудив, что ворон ворону глаз не выключет. И не ошибся – берберийцы из города Мрамора (играв-

шего в Средиземноморье ту же роль, что в Карибском море Тортуга и Порт-Ройял) оказали «гяурам» как собратьям по ремеслу самый радушный прием. Груз купили за приличные деньги, приютили и накормили. Какое-то время Мейнуэринг в Марморе и базировался, совершив несколько удачных абордажей. Прослышав о перспективном молодом человеке, его звал на службу тунисский бей, а потом, в качестве капера, и испанский король.

Мейнуэринг эти предложения отверг – он себя всячески позиционировал «идейным корсаром» и патриотом. А может, и был таким, кто его знает. Он категорически запретил своему воинству (к тому времени у него было уже 8 кораблей) нападать на английские суда, основное внимание уделять «клятым папистам».

Потом подался к американским берегам – вероятнее всего, в Средиземном море, пусть и большом, но замкнутом берегами, ему опять-таки стало скучно. Других объяснений нет – в Средиземноморье пираты, кто бы они ни были, чувствовали себя вольготно.

В Америке Мейнуэринг сначала взялся крышевать Ньюфаундленд, в те времена никому не принадлежавший и служивший пристанищем рыбаков различных наций. Дипломированный юрист быстренько обложил всех налогом, как денежным, так и натуральным в виде части улова. И немного переусердствовал – не вытерпев непомерных поборов, изрядная часть рыбаков Ньюфаундленд покинула (причем

многие сами подались в пираты). Мейнуэринг нисколько не унывал, грабя имевшие неосторожность проплывать поблизости испанские и португальские галеоны. Причем бесчинствовать своим орлам не позволял. Рассказывали, что когда один пират вздумал издеваться над пленниками, Мейнуэринг без церемоний его вздернул на нок-рее.

Через какое-то время он снова поплыл в Мармор, но пристанища там не нашел – город недавно разграбили и сожгли почти дочи́ста английские же пираты. Мейнуэринг подался в другой порт, где познакомился с таким же образованным, мало того, благородного происхождения капитаном, Уолсингемом (не исключено, родственником того самого знаменитого сэра Френсиса). Уолсингему как раз надоело мирно возить грузы, и он задумался, как жить дальше, склоняясь к пиратству как более доходной профессии. Так что Уолсингем с превеликой охотой примкнул к социально близкому земляку, и оба отправились грабить испанцев. Те послали против англичан военную эскадру, но не особенно и большую – недооценили уроженцев Острова кошмаров. Обладая нешуточным перевесом в кораблях и пушках, Мейнуэринг испанцев без особого труда разбил.

Испанский король Филипп Третий, как когда-то его отец, отправил в Лондон резкую дипломатическую ноту, требуя приструнить пиратов. Резонно напомнил, что состояния войны между двумя странами нет, и пригрозил, что ответит адекватно.

Отношение к таким нотам при Иакове было совсем другим, нежели при Елизавете. Иаков всеми силами старался сохранить с Испанией мир, и очередная война ему никак не улыбалась. Через третьих лиц он отправил Мейнуэрингу письменный ультиматум: либо тот бросит разбойничать и вернется в Англию, где ему честным королевским словом гарантируется полная амнистия, либо его будет искать и ловить весь английский военный флот.

Мейнуэринг взвесил шансы на успех в случае, если он будет и дальше заниматься своим веселым ремеслом, точнее, полное отсутствие таковых – и, хозяйственно распродав знакомым пиратам свои корабли, с нажитым добром вернулся в Англию. Широкая общественность устроила ему торжественную встречу как идейному борцу с папизмом. Король слово сдержал, выписал Мейнуэрингу полную амнистию и из жгучего любопытства дал аудиенцию, где услышал много интересного. Он полагал, что пираты – это никем и ничем не управляемое дикое племя, все свободное время проводящее в буйствах и грабежах. Мейнуэринг говорил другое: «Хотя пираты в силу своего ремесла больше похожи на дьяволов, чем на ангелов, их сердца не столь окаменели, как это принято считать. Верно, что некоторые из них жестоки и беспощадны, но в еще большей степени они готовы оказывать помощь товарищам. Многие из них отличаются качествами, которых не устыдился бы ни один джентльмен. Пираты расплачиваются наличными и всегда честно выполняют согла-

шения, поэтому их радушно принимают во многих портах разных стран. Пираты оказывают помощь друг другу вне зависимости от национальности и религиозной принадлежности».

Иаков был крайне удивлен, узнав, что не только фламандские, но и английские купцы продают берберийцам оружие, порох и боеприпасы (спрашивается: куда смотрела хваленая английская секретная служба, давным-давно инфильтровавшая страну многочисленной агентурой? Не знала? Или знала, но не докладывала?). Мейнуэринг объяснил: «В коммерческих делах нет места патриотизму. Я всегда считал самыми гнусными пиратами тех купцов, которые под предлогом честной торговли скупают и перепродают награбленные товары».

Трудно с этим не согласиться. Тем более что сразу вспоминаются строки Иосифа Бродского, правда, написанные от лица не самого поэта, а его героя: «Но ворюги мне милей, чем кровопийцы». Пират, по крайней мере, нисколько не скрывает, чем добывает средства к существованию. Гораздо отвратительнее выглядит респектабельный купец, который старательно изображает добропорядочного семьянина и ревностного прихожанина церкви – а сам исподтишка скупает у пиратов (в том числе и иноверцев) награбленное и продает им порох, оружие и боеприпасы...

Король назначил Мейнуэринга губернатором Лувра, где располагалось пять военных портов. Мейнуэринг привел в

порядок изрядно обветшавшие укрепления. Устроив ревизию пороховым складам, он был не на шутку ошарашен: в бочках вместо пороха оказалась какая-то дрянь, больше всего напомнившая толченый уголь. Порох уплыл на сторону, вероятнее всего, через английских купцов опять-таки берберийцам. Новый губернатор шуток не шутил – военные интенданты в офицерских чинах немаленькой колонной уныло побрели на каторгу...

Мейнуэринг оказался не чужд изящной словесности – написал и посвятил королю солидный труд, где содержание ясно из заглавия: «Об истоках, обычаях и искоренении пиратства». Прочитав его, Иаков поручил именно Мейнуэрингу очистить «узкие моря» от пиратов. С поставленной задачей бывший «идейный корсар» справился блестяще. Ему помогали военные эскадры нескольких европейских государств, чьей морской торговле пираты изрядно вредили, но основные труды легли на плечи Мейнуэринга. Он удачно топил корабли и вешал захваченных в плен берберийцев, среди которых наверняка были его старые корешки из Мармара. В конце концов уцелевшие берберийцы, бормоча под нос разные нехорошие слова, друженько подняли паруса и уплыли на историческую родину. Заодно Мейнуэринг украсил нок-реи своих кораблей и пиратами христианскими. С тех пор пираты в Ирландском море и Ла-Манше перевелись. Осталась только контрабанда между Англией и континентом, процветавшая чуть ли не двести лет. С контрабандой оказалось го-

раздо труднее справиться, чем с пиратством, – с ней и в наше время не покончили...

...За море синее

Во времена Иакова началась колонизация англичанами Северной Америки. Иаков вовсе не был ее инициатором – но, во-первых, этому процессу нисколько не мешал, наоборот, а во-вторых, его религиозная политика как раз и дала кадры первых поселенцев.

После того как Иаков под давлением англиканского епископата и пуритан отменил введенные было для католиков льготы, католики потянулись в эмиграцию, в первую очередь во Францию, где могли свою веру исповедовать спокойно.

Пуритане этому радовались недолго – вскоре и они попали под раздачу, в чем были виноваты сами: обнаглели и заигрались. Подали королю так называемую «петицию тысячи» – ее и в самом деле подписало около тысячи священников, в том числе и некоторое число англиканских. Требования были самые радикальные: полностью отменить в Англии англиканский епископат, а саму церковь упростить до предела: убрать «папистскую роскошь» и некоторые виды богослужений, опять-таки как «наследие папизма». И, наконец, распространить в Англии самую экстремистскую разновидность протестантизма – шотландское пресвитерианство.

Король был в гневе. Он прекрасно понимал, сколь могучей опорой для него служит англиканская церковь в нынешнем ее виде, – и чересчур рискованно было бы остаться один

на один с горластой протестантской оравой, буйной, непредсказуемой и неуправляемой. Он высказал на людях очень здравую мысль: сегодня эти горлопаны принялись за епископов, а завтра, чего доброго, до короля доберутся (никто, в том числе и он сам, явно не предполагал, что эти слова окажутся зловещим пророчеством, которое сбудется через каких-то сорок лет...).

Что до шотландских пресвитериан, то воспитанный ими Иаков ни малейшей любви к своим духовным наставникам не питал и их идеологией нисколько не проникся. Он воскликнул, опять-таки на людях:

– Шотландское пресвитерианство так же согласуется с монархией, как Господь с дьяволом! Всякие Тома, Уилли, Джеки и Дики будут собираться, чтобы от души порицать и меня, и мой Государственный совет? Пока я не обленился, даже не помышляйте об этом. – И закончил фразой, ставшей крылатой: – Нет епископа – нет короля!

Умный все же был человек – и, как мы помним, теоретик абсолютизма. Пуритан не казнили и не сажали, но с подачи короля английская секретная служба взялась их прессовать не по-детски, придираясь к любому пустяку и до предела осложняя жизнь. Теперь уже пуритане массами побежали на континент, в единоверную Голландию. Им нисколько не препятствовали, наоборот, облегченно вздыхали: баба с возу – кобыле легче...

Вот и кадры появились – обездоленные люди, которым со-

вершенно нечего было терять, а вот поискать удачу за морем они были готовы. Первые американские колонии, как мы помним, кончившие совершеннейшим провалом, сэр Уолтер Рэли, в чем-то откровенный романтик, обустроивал за свой счет. Теперь подключилась Ее Величество Экономика – как частенько случалось, скромненько притаившаяся за кулисами пышного театрального действия в виде тихонькой уборщицы. Купцы и финансисты всегда умели рассчитывать на три хода вперед. Европейская торговля несла большой ущерб из-за религиозных войн, а развитие промышленности до сих пор сковывалось устаревшими законами, идущими от феодальных времен. Деловые люди решили начать все с «чистого листа», справедливо предполагая, что в случае, если за океаном появятся обширные колонии, дела там пойдут гораздо лучше. К ним примкнули и многие мелкопоместные дворяне, уже прослышавшие, что американские земли крайне плодородны для сельского хозяйства и вдобавок совершенно бесхозные. Ну почти бесхозные – часть их населяли индейцы, во многих местах занимавшиеся не только охотой, но и земледелием. Но кто бы принимал в расчет «дикарей»?

Велосипед изобретать не пришлось – уже существовали Ост-Индская, Московитская и Левантская торговые компании (последнюю, правда, Иаков аннулировал и перевел ее доходы на себя, но сути дела это не меняло). В 1606 г. группа купцов получила у короля грамоту на создание Вирджинской торговой компании (название явно было взято у сидев-

шего в то время в Тауэре Рэли). Чуть позже возникнут ее «сестрички» – Лондонская и Плимутская компании.

В следующем, 1607 г. на побережье Чесапикского залива высадились первые поселенцы «новой волны». На трех кораблях прибыло, по одним источникам, 105 человек, по другим – 108. Колонию так и называли – Вирджинией. Протестантов и католиков было примерно поровну, что повлияет на будущее колонии (названия всех колоний потом стали названиями штатов).

Дело не заладилось с самого начала. Еще и оттого, что среди поселенцев оказалось 45 «джентльменов», считавших всякий труд для себя унижительным, и только 12 землепашцев. Приплыли они в мае, а уже к осени половина (по другим источникам, даже три четверти) колонистов умерли от голода, малярии и индейских стрел – местные краснокожие были вовсе не такими миролюбивыми и кроткими, как те, что в свое время обитали на острове Роанок бок о бок с колонистами Рэли (Черчилль добавляет к причинам столь высокой смертности еще и холод, но, очень похоже, ошибается: ну какие на американском Юге, да еще летом, могли быть холода? Каких бы то ни было аномальных похолоданий попросту историками не отмечено).

Вполне вероятно, и оставшиеся в живых разделили бы судьбу умерших, но положение спас оказавшийся во главе колонии «капитан» Джон Смит, обладатель крайне экзотической даже по меркам того буйного столетия биографии.

Сын простого крестьянина, в шестнадцать лет сбежал из дому – видимо, от беспросветной нищеты – и подался в Европу. Там воевал за всех, кто платил, – за голландцев против испанцев, за гугенотов против французских католиков, за венгров против турок. Попал к туркам в плен, и те хозяйственно продали его в рабство крымским татарам. Смит оттуда бежал, какое-то время прожил в Запорожской Сечи (где принимали всякого, лишь бы перекрестился и сказал, что в Бога верует), потом через Московию через всю Европу вернулся домой и примкнул к отплывавшим в Америку поселенцам. Еще на корабле составил заговор, намереваясь стать королем Вирджинии (что прекрасно документировано). Его там же, на корабле, посадили под замок, но по прибытии в Америку выпустили, решив, что разбрасываться людьми со столь богатым жизненным опытом грешно, – ну а что касается его монархических планов, достаточно держать под присмотром. И не прогадали – Джон Смит, проявив себя как толковый и крайне жесткий управленец, колонию форменным образом спас. Поскольку ни одно доброе дело не остается безнаказанным, после того как под руководством Смита дела пошли на лад, Совет колонии Смита форменным образом выпихнул исследовать примыкающие к Вирджинии необжитые земли. Смит ничуть не упирался – это было гораздо интереснее, нежели заниматься скучным администрированием. Он много плавал вдоль побережья и странствовал по суше, составил несколько подробных карт, по тем време-

нам представлявшим большую ценность. С одними индейцами дрался, получив несколько ранений, с другими дружил – и ненароком закрутил бурный роман с дочкой индейского вождя, красавицей Покахонтас (эта история в США знаменита благодаря в первую очередь мультфильму, так и названному «Покахонтас». В конце концов, уже в пожилые годы, вернулся в Англию, купил поместье и зажил спокойно – до поры до времени...

Вирджинские поселенцы за золотыми миражами не гнались, с самого начала сделав ставку на земледелие. Между тем в Европе собиралась в путь «вторая волна» поселенцев, уже состоявшая целиком из протестантов. Причины покинуть Голландию у них нашлись очень веские – во-первых, всерьез опасались новой испанско-голландской войны (она так и не состоялась, но страху на протестантов нагнала немало). Во-вторых, они под предводительством тридцатилетнего Уильяма Брэдфорда поголовно принадлежали к секте браунистов. Суперрадикальное течение, которому даже «классические» пуритане казались неполноценными верующими. Согласно браунистам, в «правильной» христианской церкви мог состоять отнюдь не всякий крещеный, а только «избранные». Кто избранный, а кто нет, определял лично сам гуру Брэдфорд. Естественно, прочие пуритане многочисленных «толков» к браунистам относились очень недоброжелательно. Вот браунисты и решили попытать счастья за Атлантикой, где им никто бы не мешал жить, а они были бы пана-

ми.

Денег, правда, у них не было, так что пришлось раздобыть их у той же Вирджинской компании. Разумеется, компания проезд оплатила не из филантропии: люди Брэдфорда в обмен обязались отработать на зарождавшихся к тому времени вирджинских плантациях семь лет. Прослышав о готовящемся предприятии, к Брэдфорду заявился и Джон Смит, которому явно надоела жизнь сельского помещика, и предложил свои услуги в качестве специалиста по Америке (каковым и был). Брэдфорд с негодованием отказал, выставив себя борцом за чистоту морали – мол, Смит, известный гуляка и ловелас, будет дурно влиять на высокоморальных браунистов. На самом деле Брэдфорд уже раздобыл все написанные Смитом книги об Америке и все составленные Смитом карты, так что сам Смит был ему совершенно ни к чему...

6 сентября 1620 г. из Европы отбыл самый знаменитый корабль американской истории «Мейфлауэр» (в переводе – «Боярышник»). Плыл он два месяца в условиях довольно жутковатых: нехватка провианта и воды, жестокие шторма. Однако все же добрался до Америки, где на берег сошли сто два человека – сорок один мужчина, девятнадцать женщин и сорок два ребенка. Вот только высадились они вовсе не в Вирджинии, куда плыли, а гораздо севернее, в нынешнем Массачусетском заливе, так что от Вирджинии их отделяло семьсот миль (американская миля, уточню, равна 1600 метрам). Такой уж у «Мейфлауэра» оказался штурман. Где эта-

кое сокровище выкопал капитан, неизвестно. В те времена уже неплохо умели прокладывать курс по карте и компасу, но штурман шпарил наугад, тем курсом, который позже в Сибири называли «На два лаптя правее солнышка». Видимо, он не без резона полагал, что мимо Америки никак не проскочишь: очень уж протяженная, где-нибудь да пристанешь. Подобно известной в советские времена песне о героическом матросе Железняке, «он шел на Одессу, а вышел к Херсону»). (Что интересно, ни автор слов, ни большевистская цензура не задумались, каким идиотом бравого моряка выставляют – между Одессой и Херсоном по суше километров двести...)

Обнаружив, что он и его люди оказались в дикой глухомани, Брэдфорд самым беззастенчивым образом устроил спонсорам натуральнейшее кидалово. Отписал им, что более не считает себя связанным договором – он, дескать, честно собирался отработать семь лет в Вирджинии, но привезли поселенцев вовсе не в Вирджинию, а на ничейные земли. Определенная логика в этом была. Точнее, юридическая прореха в договоре – в самом деле, поселенцы оказались не в Вирджинии, до которой пришлось бы тащиться пешедралом добрых тысячу километров, с женщинами и малыми детьми, без еды...

У Вирджинской компании не было никакой возможности воздействовать на нарушителей контракта. Кроме одной-единственной – обрезать финансирование, что купцы с

сацистским удовольствием и проделали. Оставшись без помощи извне, колонисты все же выжили – благодаря и упорному труду (в трудолюбии пуританам не откажешь), и помощи местных индейцев, оказавшихся более мирными, чем их соплеменники в Вирджинии. Позже протестанты краснокожих «отблагодарят» на свой лад – пулями, отравой и настоящим геноцидом...

Поначалу колония едва не погибла из-за внутренних распрей – примерно половина поселенцев, севших на «Мей-флауэр» уже в Англии, была протестантами, но не пуританами. Они при поддержке все той же Вирджинской компании отправились к Иакову и смиренно попросили разрешения уплыть в Америку. Иаков задал один-единственный вопрос: как они намерены выживать за океаном?

– Рыбной ловлей, – ответили пуритане.

Иаков воскликнул:

– Пусть Господь возьмет мою душу, это почетное и славное занятие! Даже апостолы не гнушались им!

Вот уж чего не было в характере Иакова – так это простодушия. Он просто-напросто с превеликим удовольствием отделался при первой возможности от очередной группы протестантских горлопанов.

В Америке протестанты разных толков затеяли жаркий спор – кто будет руководить колонией, кто именно станет ее духовно окормлять. Ни одна из сторон уступать не хотела. Трудно сказать, к каким печальным последствиям могла бы

привести эта свара, затянулась она надолго — места и обстановка как-то не способствовали долгим дискуссиям на тему «Как нам обустроить Америку?». Что в конце концов поняли и митингующие. Перед лицом голодной смерти составили своего рода мирный договор: «Мы полагаем принимать для общего блага добродетельные, справедливые и равные для всех законы и постановления, которым мы все обещаем повиноваться». Договор подписал сорок один человек — все совершеннолетние мужчины. Какое-то время его старательно соблюдали, что и позволило выжить колонистам, основавшим нынешний город Плимут, названный в честь английского Плимута. Позже, когда в колониях станет гораздо многочисленнее, договор бесцеремонно нарушат, «справедливых и равных для всех законов» не будет, а учрежденные окажутся не такими уж и добродетельными. Однако не будем забегать вперед...

Жители Плимута и окрестностей положили начало Новой Англии — это название охватывает несколько штатов и служит сегодня прямо-таки символом пуританского меркантилизма, чопорности, пуританских добродетелей (сплошь и рядом чисто внешних). Новая Англия стала сердцем американского Севера. Вирджиния соответственно — сердцем американского Юга. Между ними постепенно росли серьезные противоречия, которые в конце концов и привели к Гражданской войне 1861–1865 гг.

Но это, во-первых, уже чисто американская история, а во-

вторых, об этой войне я уже написал толстую книгу, так что повторяться не буду. Упомяну лишь, что до смерти короля Иакова – и в первые годы правления Карла Первого – сколько-нибудь массовой колонизации Америки совершенно не велось. Она начнется позже, о чем будет рассказано особо – там происходило немало интересных вещей, от чисто юмористических до трагических (юмора гораздо меньше, а крови и грязи, как это у англичан водится, гораздо больше).

Нах Москау, милорды!

Именно в правление Иакова Первого, во времена русского Смутного времени, русская и английская истории причудливым образом переплелись – первый и последний раз таким вот образом...

Иван Грозный вел по отношению к англичанам довольно взвешенную политику и, уж безусловно, не позволял сесть себе на шею и ножки свесить. Никаких особых привилегий английским купцам не предоставлял, не пускал их в Сибирь, прекрасно понимая, что в этом случае вся меховая торговля окажется в руках лондонских «мужиков торговых», нацелившихся на устья Енисея и Лены.

После его смерти ситуация решительным образом изменилась. Царь Федор Иоаннович был человеком крайне мягким и слабовольным (хотя, безусловно, и не скудоумным дебилом, каким его порой выставляют до сих пор). «Могучий при слабом государе» имелся – всесильный Борис Годунов, фактический правитель, брат жены Федора Ирины. Вот он перед англичанами откровенно расстилался.

Елизавета старалась наладить ухудшившиеся в последние годы жизни Грозного русско-английские отношения, в первую очередь торговые. Именовала Годунова в своих посланиях «самым дорогим и любимым двоюродным братом», отправила к царице Ирине своих врачей (Ирина, очень по-

хоже, страдала бесплодием). Елизавете все это не стоило ни гроша – ну, может быть, оплатила врачам проезд, что сомнительно, зная ее скупость. А вот Годунов предоставил англичанам нешуточные льготы: вообще освободил от торговых пошлин и дал другие привилегии. По подсчетам Карамзина (несмотря на все эмоции и выхлестывающий за любые пределы пафос в его «Истории государства Российского», в цифрах он точен), от такой щедрости страна теряла 20 000 рублей ежегодно – по тем временам деньги огромные.

Правда, даже Годунов не выдержал, когда Елизавета потребовала для своих купцов вовсе уж заоблачных привилегий: стала требовать, чтобы русские запретили у себя торговать не только другим иностранцам, но и английским купцам, не принадлежавшим к Московитской торговой компании (кто эту идею лоббировал в Лондоне, догадаться нетрудно). Из Москвы ушел недвусмысленный ответ: «Это дело нестаточное и ни в каких государствах не ведется... этим нелюбие свое объявляет Царскому Величеству и убытку Государевой Земли, хочет дорогу в нее затворить». Позже англичане всерьез вознамерились сделать Россию (или по крайней мере ее часть) английским протекторатом. Это были не фантазии, а подробные бизнес-планы, разработанные английскими купцами.

Многим сторонним наблюдателям тогда казалось, что России как суверенному государству пришел конец: отсутствие центральной власти, разноплеменные иностранные

интервенты, «воровские» казаки, нахлынувшие пограбить в немалом количестве, самозванцы, причем некоторые из них с кое-какой военной силой... В 1612 г. двое представителей Московитской компании в России, Томас Смит и Джон Меррик, подали королю Иакову обширный и детально проработанный меморандум о состоянии русских дел и тех выгодах, какие представляет и русский рынок, и установление над Россией английского протектората. Никакой лирики, одна конкретика. Авторы меморандума подробно описали географию и экономику как Русского Севера, так и Волги до Каспийского моря – к тому времени английские путешественники (а по совместительству и разведчики) хорошо изучили те места.

Экспортируемые товары были перечислены подробно: «Лен, пенька, канаты, смола, деготь, сало, мачтовый лес (необходимый материал для нашего флота), меха всех сортов, воск, мед, бобровые шкуры для шапок, воловьи, коровьи и буйволовыя кожи, поташ, льняное и конопляное масло, икра и так далее».

Икра и тогда была в Англии лакомством для богатых, смолу и многое другое можно было приобрести и на континенте. Однако мачтовый лес имелся только в России и был товаром стратегическим. Как и корабельные канаты и пенька, из которой делали в первую очередь канаты и всевозможный такелаж, сиречь корабельные снасти. А выгода русских купцов от торговли мехами была прямо-таки фантастическая – од-

на-единственная шкурка соболя высокого качества в Сибири стоила три копейки серебром, а в России продавалась за сто рублей (рубель тогда был, подобно английской марке, исключительно счетной единицей и составлял сто серебряных копеек). Иными словами, прибыль более чем в 3000 процентов! Понятно, перехватив этот выгодный бизнес, английские купцы озолотились бы.

Нужно еще уточнить, что в обмен англичане поставляли лишь сукно, олово и свинец – всё это при необходимости русские купцы могли приобрести и поближе.

Кроме мехов и прочих русских богатств, англичан еще интересовала Волга как крайне перспективный маршрут для торговли с Индией и Китаем. На море серьезнейшую конкуренцию составляли голландцы, чья Ост-Индская компания была тогда гораздо сильнее английской. Авторы меморандума рассмотрели и этот вариант: «Если бы у нас представилась возможность любыми средствами установить и наладить обеспеченную (это слово здесь употреблено в смысле «регулярную». – А.Б.) торговлю по этому пути, то она была бы не только более доходной и плодотворной для нашей страны, чем для любой иной, но, кроме того, в этом случае наше королевство превратилось бы в складочное место для вышеназванных восточных товаров, из которого они могли бы распространяться во Францию, Германию, Нидерланды и Данию. Таким образом, даже если бы не существовало иных важных доводов, кроме соображений пользы, то и для его

величества, и для нашей страны имелось бы достаточно оснований, чтобы взять в свои руки защиту этого народа и протекторат над ним».

Как видим, вещи названы своими именами – «протекторат». А еще написано: «любыми средствами»...

Указывалось также, что в самой России есть влиятельные люди, способные поддержать английские планы: «Северные части этой империи, еще не тронутые войной, поддерживающие давно сношения с нашей нацией и благодаря долгому общению получившие вкус к нашей натуре и условиям жизни, особенно же привлекаемые великой мудростью и добротой его величества, гораздо больше желают отдаться в его руки, чем в чьи-либо иные».

Речь в первую очередь шла о русских боярах. Часть из них, нисколько не озабочиваясь патриотизмом, государственными интересами и тому подобной, с их точки зрения, лирикой, вела себя самым предательским образом: ради реальных материальных благ служила второму самозванцу, водила шашни со шведами, впустила в Москву польско-литовское войско и готова была поддержать коронацию на русском престоле польского королевича Владислава. Одному из них, Василию Шуйскому, удалось даже пролезть в цари, но правил он недолго и бездарно и потому был свергнут, а для пущей надежности поляки увезли его к себе и насильно постригли в монахи. В таком поведении нет ничего специфически русского: в точности так вела себя порой знать других

европейских стран, в том числе и самой Англии, усмотрев для себя немалые выгоды, наперебой валила на службу либо очередному претенденту на престол, либо иностранным интервентам.

Точных данных нет, но, кроме бояр, английские планы наверняка поддерживала и часть богатых купцов, для которых опять-таки на первом месте была звонкая монета – вспомним, что писал о своих купцах Мейнуэринг...

Военная сила имелась тут же, под рукой – занявший часть северных русских земель с Новгородом пятнадцатитысячный корпус генерала Якова Делагарди. Иногда отечественные авторы называют это воинство «шведскими интервентами», что не вполне согласуется с исторической правдой. Яков Делагарди и в самом деле был генералом шведской службы. Вот только в его отряде не было ни одного солдата шведской регулярной армии. Одни лишь наемники. Русские сами позвали Делагарди за хорошую плату повоевать с поляками и казаками, но Делагарди, осмотревшись на новом месте, повел собственную игру. Шведов в его корпусе было как раз меньше всего, большинство составляли подданные Иакова Первого – англичане и шотландцы. Больше всего было шотландцев – они в те времена в массовом порядке устремились в Европу, как по бедности, так и по религиозным причинам. И на жизнь зарабатывали почти исключительно военной службой, нанимаясь к любому, кто хорошо платил. Их брали охотно – вояками шотландцы были добрыми.

(Вот кстати. Коли уж зашла речь о русской истории и оказавшихся причастными к ней (особенно при Петре Первом) шотландцах, стоит сделать очередное отступление – на сей раз поэтическое. Принято считать, что великий наш поэт М.Ю. Лермонтов ведет родословную от некоего шотландца Томаса Лермонта, попавшего на русскую службу то ли в Смутные времена, то ли позже, при первых Романовых. А Томас, в свою очередь, происходит по прямой линии от знаменитого шотландского поэта Томаса Лермонта.

При ближайшем рассмотрении это выглядит красивой сказкой – и наверняка ею является. Во-первых, сведения о шотландце на русской службе Томасе Лермонте крайне скудные – если только есть вообще. Во-вторых, поэт Томас Лермонт, Бард из Эрсилдуна, автор многих стихотворных пророчеств и возлюбленный королевы фей, в конце концов так и ушедший за ней в страну фей, – личность, как и Робин Гуд, абсолютно легендарная, персонаж английских сказок и легенд (точнее, в первую очередь шотландских). Его реальное существование ничем совершенно не подкреплено. В-третьих, из воспоминаний современников Лермонтова прекрасно известно, почему его фамилия приняла именно такой вид. Первоначально она очень долго писалась «ЛермАн-тов» – с буквой «а». От кого-то юный Мишель услышал легенду о Томасе Лермонте. Молодому поэту она страшно понравилась, он стал писаться ЛермОнтов через «о» (в те времена подобные вольности с фамилиями допускались) и уве-

рять всех, что он и есть отдаленный потомок Барда из Эрсилдуна. Поэты частенько склонны к романтическим фантазиям, что поделать. Можно выдвинуть версию, что Лермантовы и в самом деле потомки некоего иностранца, но звавшегося не Лёрмонт, а Лерма́. Довольно распространенная во Франции и в Испании, в том числе и у дворян, фамилия...)

Причем дело не ограничивалось теорией: Смит и Меррик уже успели провести предварительные переговоры и кое с кем из русских бояр (наверняка и с купцами), и с Делагарди, который, в принципе, был не против, в первую очередь оттого, что представлял в России не шведского короля, а собственные интересы. Планировалось сначала захватить и укрепить Архангельск, имевший огромное значение для морской торговли с Россией, занять Русский Север, а там, в зависимости от того, как пойдут дела, замахиваться и на большее.

Так что у авторов меморандума были серьезные основания писать: «Если бы ваше величество получили предложение суверенитета над той частью Московии, которая лежит между Архангельском и рекой Волгой, вместе с путем по этой реке до Каспийского или Персидского моря или, по крайней мере, управления и протектората над нею с установлением свободы и гарантий торговли – это было бы величайшим и счастливейшим предложением, которое когда-либо делалось какому-нибудь королю нашей страны с тех пор, как Колумб предложил Генриху Седьмому открытие Вест-

Индии».

И ведь нисколько не преувеличивали, стервецы, – предприятие и в самом деле планировалось грандиознейшее...

Иаков дал Джону Меррику все полномочия для ведения переговоров в России от его имени и выдал верительную грамоту, в которой написал: «Представления и предложения, клонящиеся ко благу и безопасности этой страны при нашем посредничестве и вмешательстве, ныне переданы нам. Мы немало тронуты, чувствуя нежное сострадание к бедствиям столь цветущей империи, к которой мы и наши августейшие предшественники всегда испытывали особое расположение».

Впервые был использован метод, который в дальнейшем британцы будут применять часто: красивыми словесами маскировать колониальные захваты. Сердиться за это ни на Иакова, ни на английских купцов не следует – они просто-напросто пытались использовать ситуацию к выгоде своей страны. Наоборот, учиться надо...

(Конечно, все заявления о «свободе торговли» – опять-таки исключительно для красного словца. Несомненно, получив контроль над Россией или по крайней мере над Севером, англичане не допустили бы туда не только иностранцев, но и своих земляков, не принадлежавших к Московитской компании, а сама компания стала бы монополистом, как впоследствии Ост-Индская в Индии.)

Трудно сказать, чем окончились бы эти планы, начни они

превращаются в жизнь несколькими годами ранее, когда царили всеобщий хаос и неразбериха. Но время сработало против англичан. Плавания из Англии в Архангельск и обратно были долгими, порой капитаны, не уложившись в одну навигацию, останавливались на зимовку в Скандинавии.

Джон Меррик вернулся с королевской грамотой уже, собственно говоря, в другую страну: нижегородское ополчение Минина и Пожарского вышибло поляков из Москвы, на царский престол возвели Михаила Романова (причем всеми делами заправлял его отец митрополит Филарет, несколько не уступавший в уме и энергии кардиналу Ришелье). Делагарди со своими людьми, видя такое дело, отступил на фатерланд, бояре и купцы, на которых англичане могли рассчитывать, толпились у трона юного царя, наперебой выпрашивая милости. Грандиозное, без всякой иронии, предприятие провалилось, не начавшись. Через триста с лишним лет англичане попытаются его повторить в части Русского Севера, но, как справедливо заметил Карл Маркс, история если и повторяется, то в виде фарса (правда, фарс оказался кровавым, разговор о нем будет в свое время).

Ну а Иаков... За Иаковом в конце концов пришла Та, Что Приходит За Всеми Людьми, как говаривали в старину арабы...

Плаха и корона

Властитель слабый и лукавый...

В первые годы правления молодого короля Карла Первого вдоволь порезвился доставшийся Карлу в наследство от отца герцог Бекингем. Карл оказался человеком слабохарактерным, твердость он проявлял исключительно в борьбе с парламентом, а во всем остальном полностью полагался на всесильного временщика, и тот развлекался как хотел – в первую очередь к собственной выгоде. (К слову, освобождением из Тауэра сэр Уолтер Рэли обязан не только заинтересовавшему короля проекту поисков Эльдорадо, но и вульгарной взятке – его родичи сунули Бекингему 1200 фунтов, цену приличного поместья, и он денежки отработал честно, похлопотал.)

Бекингем немало покуролесил в Париже, куда отправился сватать за Карла принцессу Генриетту Марию. Без особых церемоний пытался затащить юную красавицу в постель. Диккенс это описал кратко, но выразительно: «Бекингем, пользуясь случаем, имел нахальство приударить за юной королевой Франции да еще негодовал, когда кардинал Ришелье, французский министр, указал ему его место». Впрочем, не исключено, что под «юной королевой» подразумевается не Генриетта Мария, а Анна Австрийская. Какие-то шашни с Бекингемом, историки не сомневаются, у нее, безусловно,

были – хотя наверняка не столь романтические, как они описаны у Дюма. Не зря король Людовик Тринадцатый впоследствии отказался принять Бекингема в качестве посла (хотя и в том, что Бекингом все же, простите за вульгарность, подбивал клинья к Генриетте, никто не сомневается). Когда Генриетта стала английской королевой, Бекингом самым хамским образом держался и с ней, и со вдовствующей королевой. Однажды Генриетта, привыкшая на родине к другому обращению, прилюдно заявила Бекингему, что с коронованными особами так дерзко не обращаются, Бекингом преспокойно ответил:

– У нас иным королевам и головы рубили!

Молодой королеве пришлось это проглотить...

Бекингом тем временем неведомо с какого перепугу возомнил себя великим полководцем. Спланировал очередное нападение английской военной эскадры на богатый испанский Кадис, куда раз в год приходили «золотые караваны» из Америки. Планировщик из него оказался никудышный, и англичане были испанцами жестоко биты.

Во второй раз Бекингом уже лично командовал эскадрой. Французские гугеноты тогда удерживали в своих руках стратегически важный город-крепость Ла-Рошель, который осаждал кардинал Ришелье. Англия и до того подсобляла единоверцам оружием и деньгами, а теперь решила вмешаться и военной силой. Бекингом высадил десант на французском острове Ре, лежавшем неподалеку от Ла-Рошели, откуда бы-

ло бы очень удобно Ла-Рошель снабжать всем необходимым. На острове располагалась французская крепость Сен-Мартен, которая сдаваться англичанам не собиралась. У одного из современных авторов я прочитал забавную вещь: Бекинге-му-де «почти удалось» взять крепость. Вот только в реальной жизни действует пословица: «Чуть-чуть не считается». Ценятся не попытки, а факт. Позже вермахту тоже «почти удалось» взять Москву, но в итоге немцам пришлось оттуда форменным образом драпать, бросая тяжелое вооружение и технику, и, если бы этот драп не остановил самыми жесткими мерами Гитлер, еще неизвестно, чем бы все кончилось....

Французские военные корабли доставили в Сен-Мартен подкрепление да вдобавок дали короткий, но жестокий бой английской эскадре, чувствительно ее растрепав. Вернувшийся с позором Бекингом привел назад только менее трех тысяч из отправившихся с ним в поход 6800 солдат и моряков, что отнюдь не прибавило ему любви и популярности — его и без того ненавидела практически вся Англия.

Вскоре в результате свободного народного волеизъявления отдал концы один из двух главных подручных Бекинге-ма по грязным делам, знаменитый астролог, ученый доктор Лэм, известный многим как торговец ядами, мошенник, совершивший несколько уголовных преступлений. Всякий раз его отмазывал от суда и следствия всемогущий герцог, а вот от гнева лондонцев не уберег...

Простой народ, не искушенный в ученых материях вроде

астрологии, полагал доктора колдуном и чернокнижником. Как-то, когда доктор Лэм возвращался из театра (он был человеком культурным, театр любил), его стала преследовать орава уличных мальчишек с криками:

– Колдун! Колдун!

Доктору бы поскорее унести ноги, а он, разозлившись, позвал нескольких слонявшихся тут же матросов, сунул им денежку и попросил надавать малолетним хулиганам подзатыльников. Те охотно взялись за дело. За мальчишек вступилась собравшаяся толпа в несколько сотен человек, быстро набила матросам морды и взялась за Лэма. Он попытался укрыться в ближайшей таверне, но хозяин его выгнал, не без оснований боясь, что толпа разнесет его заведение по кирпичику. Добрые лондонцы отколошматили астролога-уголовничка так, что он преставился в тот же вечер.

На радостях пили и гулеванили всю ночь, крича на улицах: – Дьявол издох! Дьявол издох!

В то же время кто-то сорвал со стены и бросил на пол портрет Бекингема, висевший не где-нибудь, а в здании Суда Королевской Скамьи, высшего уголовного суда Англии, куда простой народ доступа не имел...

Король Карл, науськиваемый Бекингемом, был в ярости. Однако зачинщиков не нашли, как ни искали – никто их не выдал. Единственное, на что был способен Карл – лишить жителей района старинных привилегий, – дело происходило в Сити, а этот немаленький квартал с давних пор пользо-

вался гораздо большими привилегиями, чем другие районы. В ответ на ворота Сити появилась надпись, возвещавшая, что следующим будет Бекингем.

Так оно вскоре и оказалось... Интересно, что доктор Лэм, явно пытавшийся покрепче привязать к себе покровителя, долго и старательно впаривал Бекингему, будто по воле звезд их судьбы таинственным образом связаны и вскоре после смерти одного умрет и другой. Как к предсказаниям ни относиться, но так и вышло. Бекингема – тут Дюма точен – заколол кинжалом морской офицер Джон Фельтон, разве что не действующий, как у Дюма, а отставной. И никакой коварной Миледи и близко не было. У Фельтона вообще-то были и личные причины – герцог его обошел очередным чином и вытолкнул в отставку, не заплатив причитавшегося жалованья. Но главную роль играли все же причины идейные: Фельтон был пуританином, а пуритане герцога ненавидели особенно, справедливо считая несчастьем для Англии. В том, что Фельтоном двигала в первую очередь идея, убеждает его поведение: в поднявшейся многолюдной сумятице он мог без труда скрыться, но он вышел вперед и заявил: да, это я убил чуму и холеру двуногую!

Король, подозревая, что за Фельтоном кроется большой заговор, приказал его пытаться, чтобы выведать имена сообщников. Тут показал зубы Суд Королевской Скамьи: не только это запретил, но и приказал уничтожить вообще все орудия пыток. Поделаться с ним король ничего не мог.

Фельтон стал прямо-таки национальным героем. По всем английским тавернам пили за его здоровье – не только простой народ, но и студенты Оксфорда. Поэты сочиняли в его честь оды и хвалебные гимны. Когда Фельтона везли под конвоем из Портсмута, где он убил Бекингема, в Лондон, приветствовать его сбегались толпы народа. Помилуй король Фельтона, он заслужил бы народную любовь, которая ему впоследствии ох как пригодилась бы. Не помиловал. Фельтона судили – правда, не как заговорщика, а как убийцу, – но все равно приговорили к отсечению головы. В глазах англичан, особенно пуритан, он стал мучеником, пострадавшим за народ.

А Карл Первый семимильными шагами двигался к гибели...

«Кавалеры» и «круглоголовые»

Англичане своего короля еще в бытность его принцем прозвали Малютка Карл – он и в самом деле был невелик ростом, всего-то 150 см. Однако прозвище в полной мере относится не только к его росту, но и к его делам.

Внешнюю политику он вел как-то... даже слова верного не подберешь. Почти что и не вел по-настоящему. Вся его внешняя политика, по сути, свелась к двум – недолгим, правда – военным кампаниям против Испании и Франции. Да к шотландским делам, опять-таки неудачным, о которых будет рассказано ниже.

А вся политика внутренняя свелась к сбору старых налогов и введению новых. Вот это – единственное занятие, в которое Карл вложил немало энергии, достойной лучшего применения, и проявил нешуточную изобретательность.

По сложившейся практике новые налоги вступали в силу лишь после одобрения их парламентом. Того же Карл ждал и от парламента созыва 1628 г. Однако Палата общин форменным образом взбунтовалась. И приняла три новых закона. Первым «врагами королевства» объявлялись те, кто попытался бы ввести в английской церкви элементы католического богослужения. (Палата общин состояла в основном из пуритан, а они были встревожены слухами, что король под влиянием супруги-католички собирается сблизить

англиканскую церковь с католической.) Второй зачислял во враги королевства всех, кто давал королю совет вводить новые налоги и пошлины в обход парламента. Третий: любой, кто соглашался платить неутвержденные парламентом налоги и пошлины, становился «предателем английских свобод» (вот тут и вспомнили о Великой хартии вольностей, отыскав ее с превеликим трудом где-то в дальнем пыльном углу, куда еще не добрались архивные мыши и стрескать не успели).

Первый закон Карла не особенно и задевал, он нисколько не собирался что-то менять в англиканской церкви. А вот два других рассердили не на шутку – полностью шли вразрез с его замыслами. В марте 1629 г. Карл парламент распустил и не созывал новый одиннадцать лет.

Оставшись без парламентского надзора, он и развернулся по полной. Нужно уточнить, что роспуск парламента поддерживала часть крупного дворянства, а вот простонародье бежало в Америку, уже за свой счет, на собственный страх и риск...

Карл ввел новые налоги о таможенных сборах – теперь пошлину брали в зависимости от водоизмещения корабля и веса груза, причем не только с иностранцев, но и с английских судовладельцев. Вновь ввели отмененный парламентом в последние годы правления Иакова «корабельный» налог – не только с «сухопутных» графств, но и с дворянства. Вновь были введены монополии, тоже отмененные в свое время

парламентом, – и значительно расширены. Теперь появились монополии не только на вино, но и на мыло, на соль, на почти все предметы домашнего обихода вроде посуды и ложек-вилок. Причем полагалось не только отдавать крупную сумму за патент на ту или иную монополию, но и ежегодно платить налог с прибыли. По всей стране разъезжали королевские комиссары, уговаривая народ «добровольно» дать займы королю. Карл вновь сделал запретными королевские леса, а под шумок отобрал некоторые у их законных владельцев.

Втихомолку – можно сказать, из-под полы – люди короля по его поручению торговали дворянскими титулами и государственными должностями. Карл по примеру отца пошел еще дальше. Новых дворянских титулов он не изобретал, но придумал кое-что другое, опять-таки уникальное в английской и вообще в европейской истории. Людей стали делать дворянами насильно. Высмотрев богача из «простых», король возводил его в рыцарское достоинство, за что новоявленный сэръ должен был заплатить солидную сумму. А для тех, кто отказывался от такой чести, неожиданно-негаданно свалившейся на голову, ввели крупные денежные штрафы.

Снова заработал старый закон, запрещавший строить в Лондоне новые дома. Вообще-то его поддерживали многие незаинтересованные люди: население столицы при Карле достигло 200 000 человек, сгрудившихся на небольшой территории. Отсюда – грязь, антисанитария, болезни, рост преступности. Вот только для короля это стало еще одним спо-

собом зарабатывать деньги. К самовольным застройщикам – а их было немало – являлись люди короля и ставили вопрос ребром: или деньги на бочку, или дом снесут подчистую. И платили. И сносили...

Ну и по мелочам: Карл опять-таки пользовался доходами с имений дворянских и просто богатых сирот, чьим опекуном считался. При продаже земель уполномоченные короля по его приказу безбожно задирали цены. Налоги либо собирали с помощью солдат, либо передавали их сбор откупщикам, опять-таки использовавшим военную силу на широкую ногу.

И все же со сбором денег обстояло плоховато. Особенно крепко протестовали против «добровольных» займов – не бунтовали, а просто-напросто отказывались платить. В Корнуолле, когда туда нагрянули королевские комиссары и стали агитировать за займ, многие отказались выкладывать денежки. Поделаться с ними ничего было нельзя – власти все же не могли перевернуть крестьян вверх ногами и вытрясать деньги из карманов, как когда-то Лиса Алиса и Кот Базилио поступили с Буратино. Один из земледельцев, грамотный и определенно зажиточный, оставил об этом воспоминания: «Одних склонили к этому громкими словами и угрозами, других убеждениями. У меня тоже чуть было не выманили денег, но, зная, с кем имеешь дело, я во время разговора с ними крепко держал руки в карманах».

Многие отказывались платить налоги, особенно таможенные и корабельный, ссылаясь на то, что без одобрения пар-

ламента они незаконны. С юридической точки зрения они были совершенно правы, но власти этим не заморачивались. Людей простого звания за неоплату насильно определяли в матросы или солдаты, купцов и дворян штрафовали, а то и сажали за решетку. Крупного предпринимателя сэра Чемберса, отказавшегося платить новые таможенные пошлины, оштрафовали на 2000 фунтов, а потом посадили. Причем все было проделано по закону: в тюрьму купца и дворянина отправили не по королевскому произволу, а в строгом соответствии с законами – «двенадцать присяжных его сословия»... В качестве присяжных выступили члены Суда по делам казначейства, совершенно «карманной» конторы при короле. Этот же суд объявил налоги, введенные королем без одобрения парламента, совершенно законными. Судьи с простодушным цинизмом объявили: король по определению не может совершить ничего незаконного. Широкие массы налогоплательщиков это нисколько не убедило, и бегство от налогов стало в Англии прямо-таки национальным видом спорта. Причем сопротивление было пассивным, но действенным.

Теперь самое время поговорить об американских делах. За время правления Карла число колонистов в Америке увеличилось резко – с нескольких сотен человек до примерно четырнадцати тысяч. Никакой заслуги Карла и его администрации в этом не было – как раз наоборот, слово «заслуги» можно употреблять исключительно в ироническом

смысле. Главными спонсорами «новой волны» переселенцев были как раз оппозиционные Карлу крупные торговцы (среди которых имелись не только купцы, но и дворяне, и благородные лорды). А основная масса искателей счастья как раз и состояла из тех, кому налоговая политика короля встала поперек горла, и они рассчитывали обрести за морем больше воли (и расчеты оказались верными). Среди них были и католики (лорд Балтимор, основавший город, получивший его имя), но больше все-таки оказалось протестантов, недовольных не только налогами, но и господством англиканской церкви. Образовалось пять крупных поселений: Вирджиния, Массачусетс, Плимут, Коннектикут и Род-Айленд. Вирджиния формально числилась под прямым управлением короны (в лице одного из комитетов Тайного совета), а фактически всем заправляли крупные землевладельцы. К тому времени кто-то из колонистов едва ли не чисто случайно посадил табак, принесший богатый урожай. Стали возникать крупные табачные плантации, в дальнейшем вместе с хлопком и кукурузой составившие основу экономики американского Юга. Остальные колонии практически не подчинялись королю, а средств воздействия на них не было никаких, чересчур накладно было бы отправлять туда войска и содержать их.

Коннектикут и Род-Айленд отпочковались от Массачусетса – по двум разным причинам. В Коннектикут часть массачусетцев ушла в поисках новых плодородных земель, с которыми на «исторической родине» дело обстояло не луч-

шим образом. Род-Айленд появился на свет по идейным, смело можно сказать, побуждениям. Роджер Уильямс, ученый богослов из Кембриджа, выступал против неформального главы англиканской церкви, архиепископа Кентерберийского Лоуда (к слову, в свое время наряду с доктором Лэмом одним из двух ближайших подручных герцога Бекингема). Задираться с Лоудом было смертельно опасно, что архиепископ не раз доказывал на практике. Опасаясь если не за свою жизнь, то за свободу и здоровье (Лоуд, как мы увидим вскоре, членовредительствовать любил), Уильямс перебрался в Массачусетс, но не ужился и там. В Массачусетсе железной рукой правили кальвинисты, подавляя любое несогласие, а Уильямс был горячим сторонником религиозных свобод. Кальвинисты собрались было отправить его в Англию на церковный суд, но, предупрежденный друзьями, Уильямс бежал в совершеннейшую глушь, где с примкнувшими к нему единомышленниками заложил город Провиденс, будущую столицу колонии Род-Айленд, в которой ввел совершеннейшую веротерпимость для всех христиан любого вероисповедания и толка. Симпатичный был человек, сторонник свобод не на словах, а на деле. Правда, свободы свободами, а бизнес бизнесом – очень долго основой экономики Род-Айленда было производство виски и торговля таковым (к этому бизнесу лично я опять-таки отношусь со всей симпатией, как и к вирджинскому табаку, до сих пор считающемуся одним из лучших наряду с турецким).

Одним словом, колонисты жили вольными казаками, что крайне раздражало как короля, так и архиепископа Лоуда. В результате война за независимость колоний едва не разразилась за без малого сто лет до того, как случилась в реальности. В 1635 г. король решил отправить в Америку крупную эскадру, чтобы вооруженной силой построить колонистов и привести к общему знаменателю. Прослышав об этом, колонисты стали спешно строить форты и блокаузы, твердо решив не сдаваться. Пушек у них фактически не было, но всевозможного огнестрела имелось в избытке, к тому же поселенцы набили руку в схватках с индейцами и воевать готовились всерьез. Кровь не пролилась по весьма прозаической, но веской причине: королю вечно не хватало денег, не нашлось их и на снаряжение эскадры с десантом. Колонии на четверть века оказались предоставлены сами себе (что их нисколько не огорчало, наоборот), пока за них не взялся ставший диктатором Англии Оливер Кромвель...

Вернемся в Англию. После одиннадцати с лишним лет самовластного правления Карлу все же пришлось созвать парламент – собранных с помощью незаконных налогов денег катастрофически не хватало, в первую очередь для войны с Шотландией, вспыхнувшей исключительно из-за очередных недальновидных шагов короля (к которым его побуждал архиепископ Лоуд).

Лоуд замыслил грандиозное, но с самого начала обреченное на провал предприятие – перестроить шотландскую цер-

ковь по англиканскому образцу, поставить и там епископов, а в богослужение широко ввести англиканскую обрядность. Не самый умный проект для страны, где большинство составляли не просто протестанты – их крайнее течение в лице пуритан-пресвитерианцев. Для них англиканские обряды были «наследием клятого папизма», а епископы – антихристовыми слугами. Церковными делами в Шотландии руководило так называемое Общее Собрание, где были представлены все пресвитерианские приходы и общины. Иаков, сначала как шотландский король, а потом монарх двух государств, пользовался там одной-единственной привилегией – присутствовать на заседаниях без какого бы то ни было решающего голоса.

Мощная оппозиция Лоуду возникла в самой Англии. Видный юрист Принн выпустил книгу «Бич актеров», в которой обобщил пуританские претензии к англиканству. И, увы, довел их до полного абсурда – выступал против театров, которые называл «храмами дьявола», актеров («слуг Сатаны»), охотничьих забав, Майских деревьев, музыки вообще, украшения домов на Рождество елками (язычество, как и Майские деревья!), игры в карты и, наконец, по непонятным мне причинам – против париков у мужчин и женщин. Священник Лейтон (кстати, шотландец родом) публично называл епископов и прелатов «пустозвонами», «кровожадными людьми», сам епископат – «порождением суетного человеческого ума» и «установлением антихриста», а королеву

Генриетту – «дочерью Хетта» (одного из самых неприглядных библейских персонажей, этакого главгада). Священник Бэстик в одной из проповедей высказался об англиканской церкви смачно: «Ад разверзся, и к нам явился черт в камилавках и клобуках, ризах и стихарях». Его единомышленник, запрещенный к служению Бёртон, призывал всех «добрых христиан» противиться епископам как душегубителям, порождению звериному, слугам антихриста».

Легко представить, как к этой пропаганде отнесся англиканский епископат. Да и многие, от знатных до простолюдинов, этим идеям противились – из-за любви к театру, пляскам у Майских деревьев, карточной игре...

Архиепископ Лоуд был упрямым, решительным и жестоким. Принна лишили ученой степени, выставили к позорному столбу и приговорили к пожизненному заключению. Лейтона тоже выставили к позорному столбу, били плетью, поставили на щеку клеймо, отрезали одно ухо и порвали одну ноздрю. Так же поступили и с его сторонником, судебным поверенным Мирном – поставили к столбу, предварительно оштрафовав на тысячу фунтов, отрезали сначала одно ухо, потом второе. Бэстика тоже оштрафовали на тысячу. Всех упекли в тюрьму пожизненно. Лоуд ввел жесткую цензуру пуританской печати – появились во множестве анонимные памфлеты против англиканской церкви. Вскоре учредил так называемый «Статут о воскресном дне». Всякий,неважно, мужчина или женщина, какого бы вероисповедания ни при-

держивался, обязан был посещать воскресное англиканское богослужение. Нарушителей штрафовали.

В Шотландии пресвитериане не собирались сдаваться так просто. Они заключили соглашение, известное под названием ковенант (его сторонников стали называть ковенантерами). Ковенант объявил, что ни малейших изменений в своей церковной практике не допустит, а против любых попыток их установить будет драться любыми средствами. Это были не пустые слова – вскоре шотландская армия вторглась в Англию под знаменами, на которых было написано «За Христову корону и ковенант». Навстречу выступили войска короля Карла.

В прежние времена англичане гораздо чаще били шотландцев, чем получали от них люлей. Теперь вышло наоборот. Солдаты Карла дрались без особого запала – были злы на долгие задержки жалованья, к тому же среди них оказалось немало протестантов, втайне сочувствовавших ковенантерам. Что гораздо важнее, шотландским войском командовал фельдмаршал Лесли, прошедший неплохую школу в Тридцатилетней войне под начальством шведского короля Густава-Адольфа, одного из лучших полководцев XVII в. В этой войне участвовали на стороне протестантов немало шотландцев – и они, получившие немалый опыт, поспешили на родину, узнав о тамошних событиях.

Ситуация сложилась уникальная: между собой воевали два королевства, имевшие над собой общего монарха. После

первого же сражения у города Тайна английское войско попросту разбежалось. Современник и свидетель этого драпа писал: «Никогда еще столь многие не бежали от столь немногих с меньшим беспорядком». Шотландцы быстро заняли несколько северных и северо-западных английских графств, где и располагались английские угольные месторождения.

Впрочем, шотландцы вели себя очень умно. Они объявили, что пришли не как оккупанты, а явились защищать «права и свободы англичан». Лесли и его генералы и в самом деле поддерживали тесную связь с парламентской оппозицией и английскими пуританами. Демонстративно следили, чтобы доставка угля в Лондон из занятых ими областей не прерывалась ни на день. Однако требовали не только удовлетворить требования кovenанта о неприкосновенности пресвитерианской веры, но и оплачивать содержание шотландской армии в Англии, пока их требования не будут выполнены. Сначала выкатали кругленькую сумму в сорок тысяч фунтов ежемесячно. Потом после долгих переговоров снизили ее до двадцати пяти с половиной тысяч, но все равно деньги были солидные, и у короля Карла их попросту не имелось.

Вот и пришлось Карлу скрепя сердце собирать парламент. В Англии он получил прозвище Короткого – потому что работал чуть меньше месяца (по другим источникам, вообще несколько дней). Вместо того чтобы выделить субсидии, парламент принялся обсуждать все многочисленные прегрешения, которые король совершил за долгие годы, что пра-

вил без парламента. Ничем другим заниматься не хотели – и Карл парламент распустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.